

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2014

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К. А. Богданов. Филология и антропология: изучение литературы в эпоху Интернета	5

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Д. М. Буланин. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии	18
Л. И. Петрова. Духовные стихи в классических собраниях второй половины XIX века (вариант или искажение?)	51

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ю. ПОПЛАВСКОГО

Д. В. Токарев. «На дне парижского Иерусалима»: Париж в дневниках и романах Бориса Поплавского	66
Ю. Б. Орлицкий. Свободный стих в творчестве Бориса Поплавского	80
Мария Рубинс (Великобритания). «Автор непечатного апокалипсиса»: Борис Поплавский в диалоге с В. В. Розановым	87
Джон Коппер (США). Функция фланера в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»	95

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

П. И. Хотеев. М. В. Ломоносов и Г. Ф. Берман. Уроки словесности в Марбурге	102
Д. А. Иванов (Эстония). «Одушевленная бронза»: об источнике комедии А. А. Шаховского «Ты и Вы. Послание Вольтера»	109
А. В. Вдовин. Кому адресовано стихотворение Н. А. Некрасова «Еще скончался честный человек...»? (к истории одного заблуждения)	119
Леа Пильд (Эстония). О пародийном элементе в поздних стихотворениях А. А. Фета	129
С. А. Кибальник. Проблемы интертекстуальной поэтики Ф. М. Достоевского (на материале романа «Игрок»)	135
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатиной)	149

К. Ю. Лаппо-Данилевский. Переводы Вяч. Иванова, предназначенные для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Ниландера	178
Т. А. Кукушкина. «Мне очень хотелось бы поговорить с Вами обстоятельно...» (к истории взаимоотношений Федора Сологуба и К. А. Федина)	206
М. Ю. Любимова, Т. Э. Шумилова. Корреспондент Федора Сологуба Д. А. Уманский	216
Е. Д. Колесникова. Французские лики Марины Цветаевой	225

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. Ю. Бубнов. Духовная жизнь староверов Сибири	234
Р. Ю. Данилевский. Новая монография о В. А. Жуковском	241
Е. В. Хворостьянова. Семантическая поэтика: за и против	242

ХРОНИКА

М. Ю. Степина. Третьи Некрасовские чтения	245
Д. В. Верин. Международная научная конференция «Русская эмигрантская литература и „внутренние мистерии европейской мысли“»	247
В. В. Филичева. XVII Научные чтения Рукописного отдела	253

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ
ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО:
1907 ГОД

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

В 1985—1990 годах профессор Антонелла д'Амелия опубликовала на страницах журнала «Europa Orientalis» первые главы рукописи А. М. Ремизова «На вечерней заре» с подзаголовком «Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло». ¹ В пояснении к тексту исследовательница охарактеризовала его как «хронику семейной жизни писателя и русской культурной среды начала XX века». ² Введение в научный оборот уникального автобиографического материала, охватывающего период с 1900 по 1906 год, стало поворотным событием в ремизоведении, открывшим широкие возможности для полномасштабного изучения жизни и творчества писателя. Информативный и точный комментарий А. д'Амелия послужил источниковедческим фундаментом для многих последующих исследований и изданий, в особенности для подготовки томов Собрания сочинений Ремизова, выпущенных Пушкинским Домом в 2000—2003 годах.

«На вечерней заре» как литературный труд возник в результате работы писателя над архивом жены — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, скончавшейся в 1943 году. В течение трех лет (1945—1948) Ремизов тщательно копировал записи ее альбомов и дневников, письма и документы, явно нацеливаясь на «иконизацию» образа самого дорогого для него человека. ³ Так появились девять книг большого формата, озаглавленных «Книги записей С. П. Ремизовой-Довгелло». Среди документов архива особое внимание Ремизов уделил корпусу своих писем к жене за период (с 1903 по 1939 год), охватывающий те небольшие промежутки времени, когда супруги не были вместе. Созданные в 1948 году пять «гроссбухов» (под авторской нумерацией с X по XIV) завершают компендиум архива С. П. Ремизовой-Довгелло. Название «На вечерней заре» открывает первую книгу этого эпистолярного «свода», начинающегося письмом от 25 мая 1903 года. Остальные четыре книги имеют наклейки с авторскими надписями: «А. Ремизов С. П. Ремизовой-Довгелло», полным перечнем количества переписанных писем, их датировок и названий мест, откуда они были отправлены.

Структура рукописи, в частности, конспективный характер изложения основных событий каждого года переписки, позволяет предположить, что ее автор задумывал своеобразный «роман в письмах», соединяя в смысловое целое дискретные временные отрезки совместной жизни длиной в тридцать шесть лет. Каждый год образует главу этого автобиографического произведения. В 1948 году Ремизов передал тетради на хранение Н. В. Резниковой, своему другу, помощнику и члену семьи, организовавшей для публикации трудов писателя частное издательство «Оплешник». ⁴ В воспоминаниях Резниковой отразилось ее первоначальное впечатление о рукописи «На вечерней заре»: «Когда в 1948 году А. М. передал мне в архив переписанные им начисто свои письма к С. П. разных лет, начиная с 1909 года ⁵ (оригиналы этих писем он уничтожил), ⁶ и я стала их читать, меня поразил их

¹ См.: Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498.

² Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 149.

³ Практически в эти же годы была написана книга, посвященная юности С. П. Ремизовой-Довгелло, «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952).

⁴ Подробнее об этом см.: Резников Е. Д. Уголок России в Кашане (предисловие к новому изданию) // Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста и сопроводит. статья А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 25—28.

⁵ Ошибка мемуаристки: первый год переписки 1903-й.

⁶ На самом деле Ремизов сохранил свои письма.

тон. До смерти С. П. А. М. почти не писал писем, кроме как по делу, за исключением писем С. П., когда она уезжала куда-нибудь. (...) Я знала А. М. в течение очень многих лет; в последние годы его жизни, в периоды его болезни и слабости, проводила с ним вечера и ночи. Ему никогда не изменяла его улыбка, его ласковая приветливость, его тревожная забота о людях. Но почему-то в письмах А. М., написанных С. П. в разное время, в России и за границей, этого нет — они часто унылы и безнадежны, придирчивы к людям, проникнуты осуждением и во всяком случае умалением людей, за редкими исключениями. Их тяжело читать. По этим письмам можно было подумать, что Ремизовы были постоянно окружены мелкими, безличными и непонимающими людьми. Как будто бы живой ум — сердце — душа — исключительное достояние С. П. и еще, может быть, некоторых избранных. Я должна заметить, что ответные письма С. П. гораздо живее и сердечнее». ⁷

Этот отзыв определенно «сгущал краски». Мнение Резниковой об «унылом» тоне всех писем могло возникнуть разве что ввиду позднейших, интерполированных автором в текст комментариев, в которых нередко содержались нелицеприятные характеристики современников. Однако сам факт передачи тетрадей с рукописью «На вечерней заре» на хранение Резниковой свидетельствует о том, что Ремизов, исключительно много писавший в 1943—1950 годах, ⁸ не собирался ее издавать. ⁹ Причиной тому мог послужить, в частности, немаловажный фактор, заложенный в самой природе текста, созданного из композиции реальных эпистолярных документов. Жесткая зависимость содержания нарратива от контекстуальности писем, обусловленной временем, местом и обстоятельствами написания, не могла не представлять для писателя трудностей, препятствующих задаче, явственно преследуемой им изначально, — при помощи документальных источников создать связное описание собственной творческой судьбы. Однако эти письма, несомненно, послужили подспорьем как для главы «Сквозь огонь скорбей» в посвященном юности Серафимы Павловны романе «В розовом блеске» (1952), так и для книг, в которых на первый план была выведена история личной творческой биографии («Иверень» и «Петербургский буерак»). ¹⁰ Начальные главы «На вечерней заре», опубликованные А. д'Амелия, позволяют проследить очевидные текстуальные переклички авторских «интродукций», посвященных вступлению писателя на литературный путь в годы ссылки на Русский Север (1900—1903), с главами романа «Иверень», первые публикации которых относятся к 1947 году. ¹¹

При сравнении «эпистолярных» фрагментов «На вечерней заре» с оригиналами заметны очевидные следы позднейшего авторского вмешательства, продиктованного отношением Ремизова к своим письмам как к творческим текстам. Здесь нельзя не признать, что оригинальные письма Ремизова к Серафиме Павловне — это уникальный слепок с натуры писателя и вместе с тем богатейший материал, максимально насыщенный информацией биографического характера. Его письма не были обычным извещением об обстоятельствах конкретного жизненного периода. Он писал для того, чтобы предоставить жене увлекательное чтение и поделиться с ней буквально всеми событиями своей самостоятельной жизни. Хорошо представляя себе эпистолярное наследие Ремизова, с уверенностью скажем, что среди

⁷ Цит. по: Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 53. Далее воспоминания Н. В. Резниковой цитируются по этому изданию.

⁸ В этот период были созданы книги «В розовом блеске», «Повесть о Савве Грудцыне», «Иверень», «Мышкина дудочка», «Учитель музыки», «Повесть о двух зверях» и др.

⁹ Отсутствие упоминаний «На вечерней заре» в творческих планах писателя 1950-х годов А. д'Амелия объясняет тем, что изначально книга не предполагалась к печати, а работа над рукописью была продиктована желанием сохранить это «свидетельство собственной и русской интеллектуальной жизни» (Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 150).

¹⁰ Обе книги не были изданы при жизни писателя.

¹¹ Хронологию публикации глав романа, представленную О. П. Раевской-Хьюз, см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 615—616.

его корреспондентов не было другого, перед кем так «нараспашку» раскрывалась бы душа писателя. Эпистолярное общение с Серафимой Павловной, с которой он связывал идеальные представления о человеческом назначении,¹² совершенно освобождено от «лицедейства» и прагматики, характерных для переписки Ремизова с друзьями и коллегами по литературному цеху. Кроме того, очевидно, послания, адресованные жене, с их многочисленными описаниями снов и микросюжетами из реальной жизни, составляли часть литературных штудий писателя. Соответственно, улучшение словесного материала своих писем для публикации представлялось ему необходимой литературной работой, такой же, как многократное редактирование любого написанного и возобновляемого для печати произведения.

С другой стороны, характер авторской правки писем 1907 года дает все основания расценивать рукопись «На вечерней заре» как один из «подходов» к работе над автобиографическим романом, повествующим о «трудах и днях» писателя. Авторское редактирование, практически избежавшее «самоцензуры» (за исключением единичных случаев зачеркиваний и заклеек, встречающихся в оригиналах писем), привело к тотальной стилистической правке, касающейся синтаксического построения предложений, замене и дополнению эпитетов. Кроме того, непосредственно в текст писем были внесены короткие уточнения к герметичным смыслам отдельных фраз, а также произведено рациональное сокращение встречающихся от письма к письму описаний одних и тех же событий или даже мыслей. Такого рода «переписывание» практически не меняло содержания, а только, очевидно, на взгляд опытного писателя, улучшало его фактуру. Чего не скажешь о появившихся в тексте рукописи «нововведениях» с авторскими комментариями и даже целыми «интермедиями», совершенно отсутствующими в текстах-источниках, которые были внесены непосредственно в текст писем и выделены квадратными скобками. Эти вставки свидетельствуют о стремлении Ремизова создать нечто вроде партитуры для двух голосов, причем партия второго голоса — из 1948 года — в значительной мере дополняет и даже изменяет оценочные суждения авторского голоса из 1907-го.

В результате дистанция, отделяющая подлинные письма от послевоенных лет, когда Ремизов обратился к архиву Серафимы Павловны, оказывалась зафиксированной сразу с двух точек зрения одного и того же нарратора. С одной стороны, собственно письма репрезентируют личность Ремизова в конкретный момент его жизни, а с другой — повествование в целом отражает личность Ремизова, вспоминающего, воскрешающего при помощи сохранившихся писем сюжеты из прошлой жизни.¹³ Специфическое «обнажение» своего авторского приема, последовательно выдержанное писателем на протяжении всех пяти тетрадей рукописи, освобождает текст из узких рамок конкретного времени и места и придает ему нарративный автобиографический модус. Квадратные скобки содержат информацию не только фактологического характера, но и штрихи воспоминаний Ремизова, относящиеся к более позднему времени, чем описываемый в оригинальном письме сюжет, упоминаемая личность, конкретные обстоятельства жизни. Преобразование формата писем в связное повествование, также проанализированное и проиллюстрированное рядом показательных примеров А. д'Амелия,¹⁴ совершалось благодаря существенному преобразованию речевого регистра: разговорный стиль «живого» письма под рукой зрелого писателя приобретал литературную форму, при этом не утрачивающую яркости и непосредственности языка.

В этой связи необходимо отметить, что рукопись «На вечерней заре» служит наглядным «практическим пособием» для теории писательского мастерства, созданной Ремизовым в 1947—1951 годах. Свод выработанных многолетним трудом

¹² См. об этом: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 51—52.

¹³ Отчасти такой эффект впервые имеет место в романе «Взвихренная Русь» (1927), написанном на основе дневниковых записей 1917—1921 годов.

¹⁴ См.: *Europa Orientalis*. 1985. № IV. С. 150—151.

правил и законов построения литературного текста¹⁵ был апробирован самим писателем на примере преобразования документальных источников в художественное произведение — книгу «На вечерний заре». Эта особенность творческой истории текста создает дополнительный штрих, подчеркивающий уникальность литературного опыта, предпринятого Ремизовым.

Организации текстов самостоятельных писем в целостное повествование также служит примененный писателем конструктивный принцип: к каждому году жизни, составлявшему отдельную главу, помещать либо развернутую интродукцию (как в начальных главах, опубликованных в «Europa Orientalis»), репрезентирующую общий хронотоп, либо план-конспект, более утвердившийся по отношению к последующим годам переписки с женой. В рукописных книгах, охватывающих эмигрантские годы, этот общий план сводился к краткому итинерарию поездок, во время которых были написаны письма данного периода.

* * *

Литературная жизнь А. М. Ремизова в 1907 году прослеживается в «На вечерней заре» по текстам семи писем, отправленных из Москвы в Петербург.¹⁶ В ремизовском плане-конспекте указывается адрес очередной петербургской квартиры, второй после комнат при редакции журнала «Вопросы жизни» (1905—1906). Квартиру на Кавалергардской (д. 8, кв. 28) Ремизовы арендовали у домовладельца Н. А. Пундика в августе 1906 года и прожили там до июля 1907 года. Переезд был связан с одной из особенностей петербургского жилищного найма, известной еще с XIX века. Суть ее касалась только что выстроенных каменных домов, которые перед покраской и штукатуркой оставались на просушку. Этот процесс занимал иногда больше года, а то и двух, в зависимости от погоды. В таких случаях квартиры сдавались желающим по более дешевым расценкам. Поэтому Ремизов, вспоминая обстоятельства своих первых «кочевий» по Петербургу, на страницах романа «В розовом блеске» писал: «Из редакции, Саперный переулок, мы переехали на 5-ю Рождественскую, с Песков на Кавалергардскую, к Пундику в новый дом просушивать боками стены: за квартиру цена дешевле и дров жечь сколько влезет».¹⁷

Молодые супруги связывали с этим домом возможность обустроить семейный очаг, где были бы условия для жизни их маленькой дочери Наташи, из-за тяжелого финансового положения отправленной в 1905 году к матери и сестрам Серафимы Павловны на Украину. Родители ждали возвращения ребенка. Однако поездка Серафимы Павловны за дочерью в родовое имение получила грустный оборот: в Петербурге разгулялась эпидемия скарлатины, и мать Серафимы Павловны, и без того с большим недоверием относившаяся к А. М. Ремизову, в котором она видела лишь неудачника со странностями,¹⁸ воспротивилась возвращению девочки под родительскую опеку.

Тем временем Ремизов и Серафима Павловна совершенно освоились в среде литературно-художественной богемы Петербурга, да и в квартире на Кавалергардской сложился свой круг завсегдатаев. Гостями Кавалергардской были Вяч. Иванов, В. В. Розанов, Федор Сологуб. В письме от 3 апреля Ремизов, договариваясь с

¹⁵ См. публикацию рабочих тетрадей писателя 1947—1950 годов: *Ремизов А. М. Как научиться писать* // Ремизов А. М. Рукописные книги / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. А. М. Грачевой, Н. М. Коньчевой, О. В. Самоцветовой, Л. В. Хачатурян. СПб., 2008. С. 315—347.

¹⁶ Сохранилось пять оригиналов писем (см. Приложение).

¹⁷ *Ремизов А. В розовом блеске*. Нью-Йорк, 1952. С. 301.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких* // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267—272.

Б. М. Кустодиевым о его первом визите, давал рекомендации: «Квартира, где я живу, — во втором дворе прямо из арки ход. Нанимать извозчика можно так: угол Суворовск(ого) просп(екта) и Кавалергардской, а там по левой руке № 8 или по Кирочной — Кирочным проездом и там завернуть на правую руку сейчас же и № 8».¹⁹ Здесь собирався небольшой кружок ценителей эротической сказки Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть», написанной на Святках 1906 года. В частности, практически вся дружеская компания поэта М. А. Кузмина, который 12 января 1907 года сделал следующую дневниковую запись о собрании в своей квартире с перечислением членов этого «общества»: «Были Ремизовы, Сомов, Бакст, Леман, Городецкий (...). Читали „Табак“...»²⁰ В конце 1906 года завязалась дружба с М. А. Волошиным и его женой М. В. Сабашниковой, которые также стали бывать у писателя.²¹

Жизнь на Кавалергардской особенно остро была связана с одной из центральных проблем, проходящих красной нитью сквозь все содержание писем 1907 года, — хроническим безденежьем, усугубившимся долгом за квартиру. Об этом также имеется пояснение в романе, посвященном Серафиме Павловне: первый взнос оплаты за квартиру Ремизовы не смогли внести вовремя, и несмотря на согласие арендатора подождать, писатель был вызван к мировому судье, объясняться по поводу долга.²²

В этот неприятный момент жизни Ремизову впервые пригодились плоды его литературного труда. В 1907 году вышло три новых издания. Первое — книга сказок «Посолонь» была выпущена в декабре 1906 года (на обложке — 1907). Изящно оформленное художником Н. Крымовым издание журнала «Золотое руно» в литературных кругах встретили приветливо. Книга литературных переработок фольклорных сказок, обрядов и детских игр, искусно сочетавшихся с авторской фантазией, практически сразу преобразила творческое кредо Ремизова, который теперь среди литераторов стал восприниматься как писатель-мифотворец и сказочник.²³ До 1907 года творчество начинающего писателя вызывало весьма сдержанное отношение и в редакциях журналов так называемой «реалистической школы», и среди самих модернистов. Манеру письма, казавшуюся «неврастенической», характеризовали ругательным словом «декадентщина».²⁴ Однако «мифологические» книги 1907 года изменили ситуацию в корне, перевернув образ писателя, творчество которого получило теперь развитие в русле новых тенденций, принципиально отличных от прозы предшествовавшего литературного поколения.

Эта перемена была отмечена сразу в двух рецензиях, исходивших из символистского круга литераторов. Автор первой — москвич Андрей Белый, с которым Ремизов познакомился в доме З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского, когда молодой поэт гостил у них в квартире на Литейном пр. в декабре 1905 года. Книгу Ремизова он охарактеризовал как важное явление современного литературного процесса, свидетельствующее о стремлении молодой литературы «найти в глубочайших переживаниях современных индивидуалистов связь с мифотворчеством народа». Отмечая удавшийся автору баланс между архаизмами и его собственным словотворчеством, рецензент решил даже на смелое сравнение молодого писателя с признан-

¹⁹ ГРМ. Ф. 2. № 34. Л. 2.

²⁰ Кузмин М. Дневник 1905—1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 306. О чтении «новой ред(акции) „Табак“» на Кавалергардской см.: Там же. С. 309.

²¹ Одно из первых посещений относится к началу октября 1906 года (см.: Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877—1916. СПб., 2002. С. 165).

²² См.: Ремизов А. В розовом блеске. С. 302.

²³ Историю текста и публикации «Посолонь» см. в комментарии И. Ф. Даниловой: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 620—626.

²⁴ Об оценках современниками творческой манеры молодого Ремизова см.: Обатнина Е. А. М. Ремизов. Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 11—15.

ным мэтром символизма Вяч. Ивановым: «Каждая его миниатюра производит впечатление драгоценного камушка (...) любишь филигранной работой, начинаешь ценить подбор фраз, упиваешься их музыкой, восхищаешься словами. Неологизмы тонко перемешаны с хорошими, забытыми русскими словами. Нет той неуклюжести в построении слов, которая претит нам даже у В. Иванова. Все у Ремизова легко, прозрачно, весело. Все улыбается будущим».²⁵

Аналогичная мысль о том, что «Посолонь» представляла собой некое знамение новой эпохи в литературе, была высказана и в рецензии петербургского поэта С. Городецкого, который, рассуждая о будущем литературы, не преминул также отреагировать на пассаж Белого об Иванове: «Именно такой исторический момент — ожидания и кануна — заставляет всякое теперешнее национальное творчество быть сгущенным, напитанным до пресыщения, быть возом драгоценностей, которые надо развезить во все стороны, чтобы отдельные камни засверкали своими гранями. Таков и есть Алексей Ремизов (...) я только хочу сказать, что кирпич который он несет, хороший, настоящий, не то, что у „несомненных“ поэтов и поэтесс — впрочем, не хочу заражаться манерой А. Белого говорить с последовательностью поговорки: в огороде бузина, а в Киеве дядя».²⁶

Обе рецензии, несомненно, повлияли на самооценку Ремизова, склонного к умалению своего творческого дарования. Метафора Белого и Городецкого (камень/кирпич, принесенный художником в общее «здание» культуры) в этих рецензиях, по всей видимости, стала образным подспорьем для разъяснения в 1909 году метода амплификации, использовавшегося писателем при «воссоздании народного мифа» в пересказах фольклорных записей. Так, в «Письме в редакцию», содержащем осознанную творческую программу, он писал: «Ставя своей задачей воссоздание нашего народного мифа, выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, я, кладя мой, может быть, один-единственный камень для создания будущего большого произведения, которое даст целое царство народного мифа, считаю своим долгом...»,²⁷ и т. д.

В конце 1906 года после тягостного периода безуспешных попыток найти источник средств к существованию (в их череду бывали и совершенно далекие от литературы, как, например, перепись собак)²⁸ — для Ремизова наступил обнадеживающий просвет. Литературные дела как будто стали налаживаться. В декабре были объявлены результаты литературного конкурса на тему «Дьявол», учрежденного в мае 1905 года журналом «Золотое руно» и спонсируемого Н. П. Рябушинским.²⁹ Ремизов, представивший на суд жюри рассказ «Чортик», разделил первую премию с М. Кузминым (новелла «Из писем девицы Клары Вальмон и Розалии Тютель Майер»). Обе вещи были напечатаны в первом номере журнала за 1907 год с редакционной пометой «первая премия на конкурсе „Золотое Руно“ по отделу художест-

²⁵ Критическое обозрение. 1907. № 1. С. 35, 36. Очевидно, содержание рецензии Белого Ремизову стало известно еще до ее появления в печати, скорее всего, по гранкам, присланным редактором литературного отдела «Критического обозрения» М. О. Гершензоном, который 6 апреля сообщал Ремизову: «Многоуважаемый Алексей Михайлович. Вот, что написал о Вас А. Белый. Мастерская рецензия, хотя и отзывающаяся, в конце, слогом Гоголя в Переписке с друзьями. Зачем только ему понадобилось ни к селу, ни к городу задеть В(ячеслава) И(ванова)? Не одобряю. (...) Книжка Крит(ического) Об(озрения) выйдет числа 12-го» (РНБ. Ф. 634. № 87. Л. 1).

²⁶ Перевал. 1907. № 4. С. 61.

²⁷ Цит. по: Ремизов А. Письмо в редакцию // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 607—610.

²⁸ Ср. письмо Ремизова к Л. Шестову от 30 октября 1906 года: «Я очень мало выхожу из дому. То с собаками, то с каталогом для детей. Так целый день. Соскучился по писанию» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 172).

²⁹ Объявление о конкурсе на лучшие произведения по литературному и художественному разделам см.: Золотое руно. 1906. № 5. С. [1]; см. также: Рябушинский Н. Отчет жюри по конкурсу «Золотого Руна» на тему «Дьявол» // Золотое руно. 1907. № 1. С. 74.

венной прозы» (с. 37—52), а победители получили вознаграждение размером в 100 рублей. Впоследствии Ремизов включал этот рассказ в состав сборника «Чортов Лог и Полуночное солнце. Рассказы и поэмы» (СПб., 1908), в первый том собрания сочинений в 8-ми томах (СПб.: Шиповник, [1910]), а также в книгу «Зга. Волшебные рассказы» (Прага, 1925).

Вскоре приобрели реальные очертания и планы, возникшие минувшей осенью. Еще в октябре 1906 года Вяч. Иванов задумал издательство «Оры».³⁰ Одним из первых к публикации был выбран предложенный Ремизовым сборник «Лимонарь, сиречь Луг духовный», составленный из авторских переработок легенд и апокрифических сказаний. Подготовка этого издания, ставшего в своем роде библиографическим шедевром, особенно сблизила Ремизова с его оформителем — художником М. В. Добужинским. В свою очередь Добужинский, вдохновленный сказочными мотивами ремизовской «Посолони», в самом начале 1907 года инициировал издание отдельной книжкой сказки о мышке из ремизовского «посолонного» цикла — «Морщинка» — с собственными иллюстрациями. 17 января 1907 года писатель, обнадеженный сотрудничеством сразу по двум издательским проектам, сообщил художнику, тут же демонстрируя свой талант каллиграфа и расцветывая отдельные слова красной тушью:³¹

17 генваря 1907 года
Кавалергардская 8 кв. 28

Дорогой *Мстислав Валерианович*, не сердитесь, что все об одном толкую Вам: обуреваем сомнениями, вот вся причина моя.

Помните ли Вы о мышках и удастся ли издать к масленице. И что Шиповник, — не отклонился от намерений.

конец о мышках

Вяч. Иванов говорил мне, что Луг Духовный он думает попрасть и заменить его *Лимонарем*, чтобы не так заметно прошел Табак — повесть неподобная.³²

Моя вина, каюсь и прошу прощение: не думал писать неподобное.

конец о лимонаре

Вышла *Посолонь*, которую поднесу Вам для детей Ваших в научение.

Мне не прислали корректуру, и я не мог написать под «У Лисы Бал», что этот бал у Добужинского разыгрывается в шкапе у его игрушек.³³

конец о посолони

Кланяемся Елизавете Осиповне³⁴ — А. Ремизов

и

Серафима Павловна

конец поклонам

А. Ремизов

/ не вышло /³⁵

³⁰ См.: *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. С. 165.

³¹ Далее эти места отмечены курсивом.

³² Настоящее письмо вносит существенное дополнение в историю публикации «сказа» Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть», издание которого отдельной книжечкой в количестве 25 экземпляров состоялось в 1908 году. Первоначально «Табак» предполагался к печати в составе сборника «Лимонарь, сиречь Луг духовный».

³³ Речь идет о миниатюре из «посолонного» цикла, опубликованной с иллюстрацией М. Добужинского в журнале «Золотое руно» (1907. № 11—12). История создания текста связана с деревянной игрушкой из коллекции художника (см. об этом: *Добужинский М. В.* Воспоминания / Изд. подг. Г. И. Чугунов. М., 1987. С. 277 (сер. «Литературные памятники»)).

³⁴ Е. О. Добужинская (урожд. Волькенштейн; 1874—1965), жена художника.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 526. Ремарка, очевидно, относится к написанию собственной подписи.

Тоненькая книжечка «Морщинка» с пятью иллюстрациями Добужинского была издана в серии «Детская библиотека» издательством «Шиповник» в первой половине 1907 года. Именно «мышкин гонорар» «чудесным образом» помог писателю избежать судебных санкций, связанных с оплатой аренды квартиры. Этот случай Ремизов рассказал в романе «В розовом блеске»: «Единственное мое спасенье „мышка-морщинка“: „Мышку” взял „Шиповник”, будет издана с картинками М. В. Добужинского, и выдали мне из 25 рублей гонорара 15 аванс. Я и пошел к мировому с этой мышью казной и рассказал все без утайки о новой кровати и игрушках для Наташи и как меня выручила мышка. Мировой — человек справедливый принял от меня мышканы 15 рублей и безо всякого штрафа, и только внапугу сказал мне, впрямь чтобы платил за квартиру в срок без задержки. (...) А Пундик нас все-таки выпер: за зиму стены высушили, ну, и проваливай! А квартиранты найдутся и подороже и не надо таскать к мировому».³⁶

Подготовка к изданию сборника «Лимонарь» продолжалась до весны. В течение этого времени Ремизов неоднократно читал свои апокрифы, составившие сборник, в кругу знакомых литераторов. Наиболее авторитетным для него в этой профессиональной аудитории было мнение Вяч. Иванова, который высказал весьма резкую критическую оценку ремизовской интерпретации евангельского сюжета, использованного в рассказе «Страсти Господни», назвав ее «кощунством».³⁷ Этот эксцесс, чуть было не сорвавший издание всего сборника, случился 18 марта 1907 года. Ремизов был вынужден переработать легенду, прежде чем в мае 1907 года «Лимонарь» вышел из печати. Оформление книги также принадлежало Добужинскому.³⁸

Глава, посвященная 1907 году, начинается короткой запиской, оставленной писателем для Серафимы Павловны 5 февраля, пока она отлучалась из дому. Это единственный документ, отразивший бытовую фрагмент петербургской жизни Ремизовых. Однако основное содержание хроники представлено в семи письмах Ремизова к жене во время поездки в Москву (с 23 по 27 марта). Поводом навестить родной для него город стало приглашение С. А. Соколова, редактора журнала «Перевал», недавнего сотрудника журнала «Золотое руно», отправленное 26 февраля 1907 года: «24 марта литературно-художественный кружок устраивает „литературное исполнительное собрание”, где примут участие исключительно литераторы, которые выступят с чтением своих произведений (по возможности, ненапечатанных). Каждому приглашенному из Петербурга будет выдано 75 руб(лей) на расходы по поездке. В числе участников будут, между прочим, Брюсов, Бунин, Блок, Зайцев, Куприн, Дымов и т. д. Всем разосланы приглашения. Литературная Комиссия поручила мне обратиться к Вам с просьбой принять участие в организуемом вечере. Очень надеются, что Вы прочтете одну из Ваших сказок».³⁹ Спустя две недели, 12 марта, Соколов предупредил: «Спешу сообщить Вам, что вечер в Кружке Лит(ературно)-Худ(ожественном) будет не 24-го, а 23 марта. Явиться надо прямо в Кружок вечером. Спросить Секретаря Литер(атурной) Комиссии Петра Константиновича Иванова. Часам к 8. Читать будут, кроме вас, Блок, Дымов, Телешов, Зайцев, я, Куприн, Стражев, Бунин и еще несколько, — с точностью перечислить затрудняюсь, ибо не знаю, все ли прислали согласие».⁴⁰

³⁶ Ремизов А. В розовом блеске. С. 302—303.

³⁷ См.: Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступ. статья С. О. Прокофьева. М., 1993. С. 164.

³⁸ Ср. письмо Ремизова к Добужинскому от 14 декабря 1906 года, в котором он приглашал художника к обсуждению оформления обложки будущего сборника: «Вы слышали от Вяч(еслава) Ив(ановича) Иванова), что в „Орах” издается, как первый выпуск, мой Луг духовный. И желательно его выпустить теперь. Все дело за вами. Надо сделать надпись на обложке. *Алексей Ремизов Луг Духовный*. I. Мне кажется к содержанию книги (3 рассказа апокрифических) подходит устав» (ГРМ. Ф. 115. № 264. Л. 3).

³⁹ РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 19.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

Собрание московского Литературно-художественного кружка Ремизов впервые посетил 6 ноября 1902 года во время приезда в Москву из Вологды, но тогда для него присутствие на заседании Кружка было редкой возможностью соприкоснуться с миром известных литераторов.⁴¹ Теперь он был приглашен как подающий надежды писатель молодого поколения. О том, что выступление Ремизова произвело впечатление на литературный бомонд, в котором преобладали представители реалистического направления, достаточно красноречиво свидетельствует один из журналистских репортажей, автор коего успел составить целый реестр экстравагантных образов и эпитетов, прозвучавших в рассказе петербургского гостя: «Вчера в Литературно-художественном кружке состоялся литературный вечер. Первым прочел свой рассказ Ремизов „Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его“, весь полный ужасами присподней, „плясками 77 недугов“, „блудливыми душами“, „коцунниками“, „тартарами и тартарарами“, „скотоложцами“ и прочими перлами декадентщины».⁴²

Творческое самовыражение Ремизова и Андрея Белого, также выступавшего в тот вечер в Кружке, на фоне других литераторов, писавших в границах устойчивых литературных жанров и стиля, были расценены не более, чем мало уместная литературная экзальтация. Отчет автора заметки передает контраст между символистами и реалистами, явственно обозначившийся даже в манере исполнения ими своих произведений: «Фурор произвел Андрей Белый... С трагическим пафосом он не читал, а пел речитативом свои стихотворения из цикла „Эпитафия“. Публика сдерживала душащий ее смех. Борис Зайцев прочел свой новый рассказ „Май“, который, как и другие его рассказы, дышит радостью жизни и проникнут благоговением к „дивному Богу — огненному свету“. Слабый голос, к сожалению, портил общее впечатление рассказа. Красиво произнес свои „Песни Астарте“ и великолепное стихотворение „Любовь“ — Сергей Маковский. Выступали еще Н. Телешов, Виктор Стражев, Иван Белоусов (поэма «Иван Гусь»), Осип Дымов (рассказ «Мы плывем»), Сергей Кречетов (стих. «Изгнанник», «Песня о мертвом короле», «Дракон»). Вечер собрал сравнительно немного публики».⁴³

Второе литературное событие, произошедшее во время московской поездки Ремизова, последовало после личной встречи с владельцем журнала «Золотое руно» Н. П. Рябушинским. Как раз в марте открылась организованная им художественная выставка «Голубая роза». Демонстрация картин проходила в бурной литературно-художественной обстановке. Ради участия в одном из вечеров, устраиваемых на экспозиции «Голубой розы», меценат даже уговорил Ремизова продлить пребывание в Москве. Многие из живописцев, впоследствии соединившихся в одноименную художественную группу, уже были знакомы Ремизову, в особенности Н. Сапунов, С. Судейкин, Н. Феофилактов. Их творчество было таким же вызовом традиционалистскому искусству, как и творчество символистов в литературе. На этом вечере Ремизов, как явствует из его письма к С. П. Ремизовой-Довгелло от 27 марта 1907 года, решил прочесть «Страсти Господни», возможно, с исправлениями, внесенными им в текст перед самым отъездом в Москву (22 марта),⁴⁴ и с учетом речевых оборотов, услышанных от одного из своих попутчиков в поезде (см. его письмо от 23 марта).

Об этом чтении газеты умалчивают. Однако оценка выставки «Голубая роза», а вместе с ней и деятельности Рябушинского как пропагандиста модернистского искусства и художника, участвовавшего в экспозиции со своими живописными

⁴¹ См.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 150.

⁴² Утро. 1907. 24 марта. № 80. С. 4.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См. об этом: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 91.

произведениями, была дана одним из ведущих художественных критиков в крайне язвительных выражениях: «Голубая роза найдена, и тайна красоты постигнута. Если желаете в этом убедиться, пожалуйста на Мясницкую, в д. Кузнецова и пойдите на выставку, устроенную кружком „Золотого Руна” (<...> Идите на выставку с чистой, свободной от всяких предрассудков душой, и тогда вы убедитесь, что достаточно быть Рябушинским, чтобы мановением волшебного жезла детски неумелая мазня превращалась в chefs d'œuvre, чтобы все было дозволено и чтобы настоящие художники бежали с восторгом за вами и уверяли вас в гениальности гг. Кнабе и Сарьяна. На выставке есть действительно художники, экстравагантные, странные, может быть даже, заблуждающиеся, но художники. Возьмем хоть бы обоих Милиоти или Сапунова, но неужели им не стыдно видеть свои создания рядом с полотнами Рябушинского и оправдывать собою самый *raison d'être*⁴⁵ выставки? Эта выставка заставляет задуматься об очень многом. Как ни странно, а живопись Павла Кузнецова создает целую маленькую школу, горячо идущую в безвыходный тупик, а гг. Феофилактовы и Дриттенгейсы широко распахивают дверь, за которою уже Крафт Эбинг и область всевозможных извращений. Не думаю, однако, чтобы это было искусством... Впрочем, об этой выставке трудно говорить серьезно. Хочется думать, что это просто чудачество, причуда, из которой ничего не может выйти».⁴⁶

В письмах Ремизова 1907 года очерчен круг московских литераторов (В. Г. Малахиева-Мирович, Н. С. Бутова, С. В. Лурье, М. О. Гершензон, Е. К. Герцык), знакомству с которыми именно в этот приезд в Москву писатель был обязан Л. И. Шестову, принимавшему деятельное участие в его судьбе. К неожиданным событиям поездки можно отнести встречу с А. Р. Минцловой. Упоминание об этой известной теософке, первой русской ученице Р. Штейнера, в письмах и мемуарах Ремизова носит едва ли не единичный характер. Короткий разговор коснулся важной для писателя проблемы реализации высоких, по сути, религиозных потребностей, наполнявших духовную жизнь его супруги. Чистота и подлинность метафизических переживаний Серафимы Павловны были возведены Ремизовым в статус эталона, в сравнении с которым религиозно-философские искания современников казались ему лишь эрзацем веры и холодным умствованием. Так, 26—27 апреля 1905 года он писал ей: «Я вспомнил и повторил твою мысль: „может ли человек молиться”, чувствует ли он сердцем свою связь с каким-то надчеловеческим „небом”? Без этой связи все разговоры о религиях впустую. И еще: можно ли научить молиться? А должно быть, нельзя. И вот почему фальшивы и надоедливы все эти богоискатели».⁴⁷ Именно желание раскрыть собственное духовное назначение способствовало развитию дружеских отношений Серафимы Павловны с З. Н. Гиппиус, транслировавшей идею Церкви Третьего завета.⁴⁸ Неслучайно она попала и в поле внимания Минцловой, почувствовавшей в молодой женщине способности к метафизическому познанию. Именно это проявленное восхищение духовной одаренностью Серафимы Павловны вызвало в писателе простодушную благодарность и навивную реакцию: «...она сразу поняла твоё место там, духовную высоту».⁴⁹

⁴⁵ обоснование (фр.)

⁴⁶ Сергей Глаголь [Голоушев С. С.]. Последние картинные выставки // Московский еженедельник. 1907. 7 апр. № 14. С. 54—55.

⁴⁷ Europa Orientalis. 1990. № IX. С. 460. Ср. также суждение, высказанное писателем уже после смерти С. П. Ремизовой-Довгелло: «З. Н. Гиппиус, „новая церковь”, антропософы Штейнера хотели отдалить меня от Серафимы Павловны. Духовно мелкие и нам чужое» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 319).

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Павлова М. Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Самовер. М., 1999. С. 7—54.

⁴⁹ Благодаря общению с М. В. Сабашниковой, С. П. Ремизова-Довгелло пыталась войти в круг антропософов. См. также упоминание о ее поездке на лекции Штейнера в 1913 году: Анд-

Письма 1907 года, составляющие главу рукописи «На вечерней заре», содержат яркие примеры литературной обработки, которая то кроется во внесенных при переписывании дополнениях, то демонстрируется в тексте явно — через пояснения, выделенные квадратными скобками. Если за квадратными скобками по преимуществу закреплена функция авторского комментария к именам, названиям произведений и тому подобному, то немаркированные дополнения меняют сам строй нарратива. В этом смысле показателен эпизод с родственницей (по линии жены) брата Николая, прозванной в семье Аппием (в рукописи Апий). Ничего не значащее сообщение в начале письма от 25 марта: «Написал письмо, ждал кофей», в рукописи развернуто в комическую сценку, служащую отчасти иллюстрацией к характеру героини, получившей прозвище по имени римского тирана и цензора. Таким образом, текст из документального, в смысле фиксации событий, преобразуется в художественный, наполненный образами. В новой редакции писем также получает развитие тема издания сборника «Чортов Лог». Весьма лапидарное описание беседы с В. Г. Малахией-Мирович («У М(ирович) пил чай и разговаривал о изданиях, говорит, что в Москве найдутся»; письмо от 25 марта) Ремизов дополнил оценочными суждениями позднейшего времени: «Я верил. Но понимал, что В. Г. существо фантастическое и все слова ее на ветер». Такая же авторская рефлексия проявляется и в перечислении контактов в Литературно-художественном кружке: «В антракте познакомился с Мирович, меня водил и занимался мной брат Евг(ений) Казими(ровны) Герцык (студент), виделся с Гершензоном». Ремизов актуализирует в памяти и то, чего на самом деле не было: реакцию Гершензона на якобы недоброжелательный прием московской литературской аудитории: «Виделся с М. О. Гершензоном. Ему было как-то неловко за оказанную мне встречу». Интенциональная перестройка писем в мемуарное повествование наиболее отчетливо проявляется в эпизоде, связанном с именем С. В. Лурье, о котором в 1907 году упоминалось как о госте Малахией-Мирович. Простая фраза из письма: «Там был С. В. Лурье, приятель Шестова, так что легко разговаривать было» преобразована в пассаж, охватывающий сразу несколько тем из прошлого: «У нее был Семен Владимирович Лурье, приятель Шестова, и по Шестову и оттого, что помню Лурье гимназистом, мне было легко, как с Андреем Белым». К нововведениям относятся проставленные в круглых скобках прозвища, которыми Ремизов награждал своих собратьев по перу, участвовавших в чтениях Литературно-художественного кружка. Смысл этого приема становится понятным в контексте всего описания вечера чтений: «В „Кружке“ читал первым. Но и шикали, но и приветствий да что-то не очень много. Читал Виктор Стражев [был такой поэт], Телешов (очень приличный), Кречетов [Гриф] (балда), Андрей Белый, Белоусов (малороссийский дьячок), Маковский, Дымов (парикмахер), Зайцев («сурок»). Всех принимали дружно. Должно быть, я в Москве не ко двору». Это и предыдущие свидетельства враждебности литературного московского круга являются устойчивым мотивом, аккумулирующим образ непризнанного писателя. Такая самоидентификация характерна для автобиографической прозы Ремизова, созданной на рубеже 1940—1950 годов.⁵⁰

Наиболее откровенным рецидивом позднего вмешательства Ремизова в тексты писем 1907 года является пассаж, содержащий характеристику И. А. Бунина и, по существу, отражающий «груз обид», накопленных за годы парижской эмиграции: «В „Перевале“ И. А. Бунин — провинциальный литератор, покровительственный похабник, традиция „великих“». С неприязненным отношением своего литературного собрата Ремизов столкнулся в первый же год жизни в Париже (Ремизовы приехали в Париж 5 ноября 1923 года). Следует признать, что общий моральный климат парижской диаспоры был зачастую напряженным и крайне недоброжелатель-

рей Белый и антропософия. Материал к биографии (интимный). Переписка с М. К. Морозовой / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Т. 6. С. 354.

⁵⁰ См., в частности, главу «Писатель» в романе «Иверень».

ным к прибывающим соотечественникам. Об этом свидетельствуют строки из письма И. С. Шмелева З. Н. Гиппиус, который осенью 1923 года передавал ей последние парижские новости, почерпнутые в беседе с другим русским парижанином во время прогулки по Булонскому лесу: «Мы с Куприным бродили по дорожкам (...) толковали обо всем понемножку. О Шалапине, которого будто бы отлупили по щекам в Париже месяц тому назад молодые люди, о том, как еще раньше выпоролли Есенина, и о Максиме Горьком, который уже не живет где-то во Франции и которому может предстоять нечто подобное — все под Богом. О том, что приехал Юшкевич, Ходасевич, Матусевич, что едут не получивший ангажементу Андрей Красно-Белый и зверино-вещий Ремизов-Сараев, и много-много еще...»⁵¹

Таким образом, в кругу эмигрантской творческой элиты Ремизову была уже уготована ниша писателя с просоветскими настроениями, что загрозило выход на литературный рынок. Бунин как один из видных представителей русской диаспоры воспринял приезд человека, способного составить ему конкуренцию в парижском издательском мире (весьма узком по сравнению с Берлином 1921—1923 годов), крайне нервно. Объединившись с Мережковскими в бескомпромиссном отношении к советской России во всех ее проявлениях, будь то политика или литература, он почти открыто выражал недоверие Ремизову, который в берлинские годы поддерживал контакты с литераторами Москвы и Петрограда. Эта печальная тенденция отмечалась Д. С. Святополк-Мирским в его январском письме 1924 года к П. П. Сувчинскому: «Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы Бунин и Мережковский, считают за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его оттеснить от здешних издателей.»⁵²

Кроме того, у Бунина, претендовавшего на статус «писателя-классика», продолжавшего традиции пушкинского литературного языка, существовали и более веские причины для расхождений с Ремизовым — по вопросам литературного характера. Скептический взгляд Бунина на творчество писателя определялся разностью концептуальных подходов к критериям подлинности русского литературного языка. Эти противоречия усугубились в середине 1930-х годов, когда Бунин квалифицировал использование в произведениях Ремизова диалектизмов как выдумку «гадких и глупых слов».⁵³ Отношения писателей особенно осложнились в связи с журналом «Версты», который начал выходить в июле 1926 года в Париже под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и при ближайшем участии А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, Л. Шестова. Появление «Верст» — печатного органа евразийцев, вызвало резкую конфронтацию со стороны практически всего эмигрантского лагеря в Париже (писателей, группировавшихся вокруг журналов «Современные записки», «Звено», газеты «Возрождение»). Бунин и З. Н. Гиппиус организовали (по словам М. Слонима) настоящий «крестовый поход», выражая в своих публикациях отношение к создателям и сотрудникам нового журнала как к своим «политическим и литературным врагам».⁵⁴

⁵¹ Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitriy Merezhkovsky Papers. Series 1. Box 3. Folder 59.

⁵² Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii. 1922—31. Birmingham, 1995. P. 25 (Birmingham Slavonic Monographs. № 26).

⁵³ Подробнее об этом см.: Доценко С. Н. А. Ремизов и И. Бунин: что скрывается за антагонизмом двух писателей? // Зарубежная Россия. 1917—1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 342—345. Об отношениях Ремизова и Бунина см. также: Кодрянская Н. В. Встречи с Буниным // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 342—346; Неизвестные письма Бунина // Русская литература. 1961. № 4. С. 155, 193.

⁵⁴ См. об этом: Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России (Прага). 1926. № 8/9. С. 87—103. Подробнее о литературной дискуссии вокруг «Верст», касавшейся также критики лично Ремизова, см. во вступительной статье Р. Хьюза к публикации писем Д. П. Святополк-Мирского к Ремизову

* * *

Публикуемая ниже глава «На вечерней заре» воспроизводится по рукописи с сохранением особенностей авторского написания некоторых фамилий (Таставен, Милиотти). Для поддержания колорита языка писем 1907 года в тексте оставлены без изменений написание слова «пьянино», а также названия произведений «Чортик» и «Чортов лог и Полунощное солнце». В ряде случаев восстановлены кавычки к названиям произведений, ввиду общей тенденции Ремизова выделять названия кавычками. Текст публикуется с сохранением авторской пунктуации. Многочисленные сокращения имен и отчеств героев раскрываются в угловых скобках. Подчеркнутые Ремизовым отдельные слова выделяются курсивом; квадратные скобки в тексте также принадлежат автору.

Для наглядного сравнения текстов подлинных писем и рукописи «На вечерней заре» в Приложении помещены пять писем Ремизова жене за 1907 год, воспроизведенные также по сохранившимся автографам.⁵⁵ В угловых скобках для удобства чтения раскрыты отдельные имена упомянутых лиц.

1922—1929 годов: «...С Вами беда — не перевести». Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922—1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 339—347. См. также: *Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii*. P. 37—71.

⁵⁵ Номер «Europa Orientalis» (№ IV), в котором А. д' Амелия опубликовала первые главы этой книги, относящиеся к 1903 году, вышел с приложением микрофишей оригинальных писем.

1907 г.

Кавалергар⟨д⟩ская ул. д⟨ом⟩ Пундика
Первая книга

«Посолонь» Золотое Руно, М. 1907 г.

«Лимонарь». Оры, СПб. 1907

«Морщинка». Шиповник, СПб., 1907

Вечер в «Кружке». На выставке «Голубая Роза» читал из «Лимонаря»

«Страсти». Общее недоумение. И шикали (в «Кружке»).

Встреча с Андреем Белым, Буниным и Зайцевым.

Поводырь С. К. Маковский.

Первая премия (100 р.) за мой рассказ «Чортик» [«Золотое Руно», «Зга»].

Вызывают к мировому судье за неплатёж за квартиру.

Петербург 1907

5 февраля¹

Ждал тебя до 6-и. Опять ничего не писал, а все прибирался. Маша² купила марку — 8 к⟨опеек⟩, да конвертов — 9 к⟨опеек⟩, да себе взяла — 30 к⟨опеек⟩. А все остальные деньги лежат на столе у конверта. Все медлю, не уйду, звонка слушаю. Еще стакан себе налил — чай пью. По моим 35' 7-го. Как же так это, а? Приду скоро.

МОСКВА
ГОЛУБАЯ РОЗА

В. Г. Мирович, С. В. Лурье, Гершензон, А. Р. Минцлова

Москва 1907

Клин

23 марта 6 ч(асов) утра³

Уж час, как поднялся. Попал не в тот вагон: я взял билет, да не спальный — подушки не было — прикурнул на шляпе. Двери растворяют, ходят, орут. То-то я и заметил, что за билет с меня взяли меньше на 28 к(опеек). И из-за этих 28 к(опеек) бессонная ночь. Досадно. Ну, через 2 часа приеду.

Читаю о театре Лопе-да-Вега.⁴

Очень беспокоюсь, как ты это поехала, и не вышло бы из-за этого хуже.

В 7-ь часов думал, как ты сидишь и Раиса [Раиса Александровна Шалаурова, в Сольвычегодске ученица С. П., на фельдшерских курсах в Петербурге] сидит в нашей тесной столовой. Орехи тебе нельзя есть или можно? [У Серафимы Павловны болела печень — воспаление желчного пузыря].

А один пьяный вчера рассказывал, как он «прошлым летом третьего года» в деревне был и т. д., а другой его, любя, а не для смеха, все «цукастом» величал.

Услышал я выражение (для последней фразы в «Страстях» [Лимонарь. 1907]) вместо:

«настать светлому дню Христова Воскресения»

«—»— Христову дню, Пасхе». ⁵

Это все «цукаст», который «холкугнул» в Петербурге, его слова, такой он «пьяница покаянный».

Поезд трогается. Сейчас подымется такая тряска, едва читать можно.

Подъезжаем к Москве.

Ну, после ночи и хороша ж моя шляпа — «покаянная»!

Кофей пить не буду. Прямо возьму извозчика на Арбат [Б(ольшой) Афанасьевский пер(еулок)]. Там напоят.

До свидания.

Москва 1907

24 марта.

Арбат

Б(ольшой) Афанасьевский пер(еулок),

д(ом) Н. Ремизова

9 ч(асов) утра

В маленькой столовой, где клетка с обезьянкой и попугаем, и спят 2 кота и 2 собаки.⁶ Чернил в зверинце не полагается.

По порядку вчерашний день.

Конечно, все вышло не так, как рассчитывал. На вокзале вижу в окно: Сергей.⁷ Я взял чемодан, и с ним в буфет пить кофе. Передал ему от тебя конфеты и игрушки. Оказывается, Николай⁸ получил мое письмо 22-го утром и на Бирже разговаривал с Виктором и Сергеем: он не знает, как быть, очень уж неудобств много для моей ночевки, но все же как-нибудь устроит.

Варвара Федоровна [жена Сергея] приехала и поступает в какой-то Московский театр. [Впоследствии служила у Мейерхольда].⁹

Нанял Сергей извозчика, и я с чемоданом поехал на Арбат в Б(ольшой) Афанасьевский к Николаю.

Тут начинаются мои мытарства, пока не освоюсь. Ждал в приемной,¹⁰ что только не делал, и моя визитная карточка не подействовала — не пускают, жди, когда явится секретарь.

И попал, наконец, — дождался! — в эту «маленькую столовую» в зверинец. Вышел Николай и говорит, что мне надо повидаться с Варварой Сергеевной [жена Николая],¹¹ когда она сойдет, ее комнаты наверху, она что-нибудь устроит. А сестра Варв(ары) Сергеевны [«Апий» — «Апка»]¹² объясняет мне все неудобства: ворота запирают в 10-ь. И, если проникнуть во двор, то надо будить повара, а повара, не зная ходов, не легко найти. Вставать надо в 9-ть: с 9-и прием.

Ну, что ж, думаю, пускай, готов, хоть в 7-ь, отыщу и повара! И тут же подумал, «а может, к А. А. Архангельскому¹³ стукнуться, или в Таганку к Виктору!»¹⁴

½ 12-го сошла Варвара Сергеевна. И, как «Апий» и все мне повторила о неудобствах, и все-таки, чтобы я не «стукался» к Архангельскому, а переночевал у них.

Я выпил 2 стакана чаю, очень уж волновался этой неопределенностью и неожиданностью.

В 12-ь в «Гриф» (С. А. Соколов-Кречетов).¹⁵ Там О. И. Дымов,¹⁶ Андрей Белый¹⁷ и С. К. Маковский.¹⁸ Трудно передать разговоры, да лучше расскажу, а то нечего будет и рассказывать. А Белый тебе «страшно» кланяется. Вот и все так: один «страшно», другой «очень мило» «в нос» (Дымов), а С. К. Маковский цедит по-петербургски, хотя далеко до Философова.¹⁹

На сегодняшний вечер мне полагается 5 бесплатных билет(ов) (так за билет — 3 р(убля) 50 (копеек)). Я дал двум студентам, знакомым «Грифа».

С С. К. Маковским (у него лошадь в Москве) поехал в «Золотое Руно». Милотти²⁰ и Таставен (Henri Tastevin),²¹ знаю его по Готье [французский книжный магазин на Кузнецком].²² Проговорил с ним до 3-х. Ждали Н. П. Рябушинского.²³ Потом решил позвонить по телефону. Так по телефону голосом и познакомился. Рябушинский тоже «носит», только не по-Дымовски, а чванно и обидчиво. Третий билет я дал Таставену. А по телефону Мирович²⁴ — ей два билета. Я послал (как после оказалось Варвара Григорьевна Мирович вылитая Любовь Семеновна Заливская, только никогда царской кормилицей не была). [Л. С. Заливская, жена доктора, ссыльного в Устьсысольск,²⁵ их сын *Бибка*²⁶].

Взял 5 экз(емпляров) «Посолони» и гранки «Слоненка»;²⁷ оставил «Страсти Г(осподни)» на случай.²⁸

С Маковским на выставке «Голубая Роза»²⁹ (Судейкин, Сапунов,³⁰ Филатов³¹ и др.). Там встретился с Рябушинским. С час разговаривали. Для «З(олотого) Р(уна)» будет меня рисовать Б. М. Кустодиев,³² рисовал Сологуба.³³ Сегодня на вечере «Голубой Розы» переговорю с Рябушинским: нельзя ли, чтобы меня рисовал Бакст?³⁴ [Мой портрет рисовал Кустодиев, а Бакст Андрея Белого и З. Н. Гиппиус³⁵].

С выставки с Маковским (я прямо под его опеку попал) в Метрополь завтракать это уж 5 часов. А из Метрополя на обыкновенном извозчике к Николаю обедать.

Наелся, как давно уже не ел. В Метрополе был только призрак под масть Маковскому. Подарил Гале [Ремизова] «Посолонь».³⁶ И появилось шампанское. Потом меня водили по двору и показывали разные ходы, чтобы мог добиться бессонного повара — Бог знает, как в «Чортике» у меня дом Дивилина!³⁷

В «Кружке»³⁸ читал первым.³⁹ Но и шикали, но и приветствий да что-то не очень много.

Читал Виктор Стражев [был такой поэт],⁴⁰ Телешов (очень приличный),⁴¹ Кречетов [Гриф] (балда), Андрей Белый, Белоусов (малороссийский дьячок),⁴² Маковский, Дымов (парикмахер), Зайцев («сурок»).⁴³ Всех принимали дружно. Должно быть, я в Москве не ко двору. [Не помню, должно быть, я читал из «Лимонаря» или из «Посолони»].

В антракте познакомился с Варв(арой) Гр(игорьевной) Минович. Занимался мной студент, брат Евг(енин) Казими(ровны) Герцык.⁴⁴ [Аделаида Каз(имировна) вышла замуж за Д. Е. Жуковского].⁴⁵ Виделся с М. О. Гершензоном.⁴⁶ Ему было как-то неловко за оказанную мне встречу.

Ужин — грубый с кушаньем до отвалу. Мой сосед Андрей Белый. Тут он мне ближе всех был. Насмотрелся на разных московских писателей: Тимковский,⁴⁷ Каллаш.⁴⁸ Познакомился с О. Л. Книппер.⁴⁹

В 4-е утра с Андреем Белым, он рядом живет, в Афанасьевский.⁵⁰ Тут начались поиски поварового хода. Только в 5 проник и спать. Да не заснуть было. Погода холодная, не петербургская, отвык, зуб на зуб не попадает. Сейчас 10-ть.

На сегодня: к Андрею Белому, от него домой, к Николаю обедать, потом к Минович, потом к Сергею, потом к Рябушинскому. А где ночь ночевать, не знаю. Может, и не буду ночевать.

До свиданья. Завтра билеты возьму. Кланяйся Вас(илию) В(асильевичу) Розанову.

Москва 1907

25 марта

Жду кофею. А к животным я привык, и ничего, пускай себе в удовольствие «подпускают». А с непривычки, отворяй форточку. До часа с кофеем проканителиться. Раз двадцать «Апий» рожу высовывал:

«Да ты какой пьешь. С винными ягодами?»

«Да без ягод, говорю, все равно».

А через минуту:

«А сливки тебе надо?»

«Да не надо, давай кофию».

В «Переvale»⁵¹ И. А. Бунин⁵² — провинциальный литератор, покровительственный похабник, традиция «великих».⁵³ О вчерашнем вечере сплетни. Да не договаривают. Должно быть, когда я вышел мне в спину. А любопытно, какое мне ввели прозвище?

Пошел к Андрею Белому. Долго искал дом,⁵⁴ выручил Дымов. А нечего и искать было. У меня всегда так: под носом не вижу.

Пили кофей. Читал ему «Страсти» [из «Лимонаря»]. Что же, «преступного» он ничего не находит.⁵⁵

С Дымовым к Зайцеву. Зайцев показал две рецензии [на «Посолонь?»].⁵⁶ Я их куплю. От Стражева книга «Стихи».⁵⁷ Очень ему, видно, плохо. [Действительно, судьба этого несчастного Стражева не завидная: его обвинили в каком-то шпионском деле, он оправдывался, не знаю, чем кончилось].

Узнал, что 26 марта читает Брюсов о театре,⁵⁸ поехал в «Весы»,⁵⁹ но Брюсова не застал, оставил карточку.⁶⁰ Взял на вторник 5 ч(асов) 30' вечер(а) билет в Петербург, и поехал к В. Г. Минович. Пил чай. Разговор о изданиях, говорит, что в Москве «найдутся». Я верил. Но понимал что В. Г. существо фантастическое и все слова ее на ветер. У нее был Семен Владимирович Лурье,⁶¹ приятель Шестова,⁶² и по Шестову и оттого, что помню Лурье гимназистом, мне было легко, как с Андреем Белым. Да, Андрей Белый подарил мне три игрушки: певучую лису, зверя и еще серого — с птичьим клювом привезу,⁶³ храню с рукописями в портфеле.

От Минович трамваем к Сергею. Они занимают две комнаты и общая. С ними еще две семьи. Пили чай в общей. Очень стеснительно.⁶⁴

В восемь поехал на выставку — в «Голубую Розу». Но по случаю кануна Благовещения вечер отложили.⁶⁵ И я потрясся на трамвае назад к Сергею.

Было 10 часов вечера. До полуночи просидел в их спальне. Насилу чаю добился. А спать меня положили с Ляляшкой,⁶⁶ нянькой и канарейкой. Везет мне на зверей. Сегодня буду делать кругосветные путешествия, начну с Муттера.⁶⁷

Москва 1907
25—26 марта
2 ч(аса) ночи

На диване у Виктора. Очень я устал. И когда сегодня увидел Дымова, уезжает в Петербург, позавидовал ему.⁶⁸ [Осип Исидорович Дымов (Перельман) искуснейший имитатор: может под кого угодно — а по преимуществу под Чехова и Мопасана, может и представить любого знакомого; «чувствительная пластинка», добродушный и расположенный, никто с ним не ссорился, да и он ни на кого не сердился, а всех потешал].⁶⁹ Причина одна, что торчу и мучаюсь бездомный, что-нибудь, может, и выйдет с изданием «Чортого Лога» [в Москве ничего не вышло, «Чортов лог». Изд(ательство) Eos, СПб., 1908].

Завтрашнюю ночь буду у приятеля Л. И. Шестова, у С. В. Лурье.⁷⁰ Завтра третий день, как не обедаю: от утомления не могу по-человечески, а одно только острое: перец во всех видах и горчица — мое кушанье. [Скоро это скажется и обречен буду на многолетнюю «овсянку»⁷¹ и только крупозное воспаление легких переродит меня, а это случится в октябре 1917 года.⁷² Какая терпеливая расплата: десять лет болей].

С утра с Сергеем у Муттера.

Сегодня Благовещение, она причащалась. В самом хорошем виде, узнать нельзя. На долго ль. Пришел Виктор. Он обещал в конце апреля 50 или 100 или даже 150 р(уб)б(лей), смотря по своей награде к Пасхе. Я читал Муттеру моего «Чортика». Места ей известные.

В 5-м (часу) на другой конец города к Минович, а от нее к ее знакомой Н. С. Бутовой⁷³ (Малая Дмитровка, Успенский пер(еулок) 6 кв(артира) 3). Актриса Художественного театра, похожа на Александру Ивановну Киенскую, бытовая. У нее встретил С. В. Лурье. Все всё обещают и я, конечно, верю, но где-то чувствую, что это только теплые воздушные слова.

Н. С. Бутова «православная».⁷⁴ А Вар(вара) Гр(игорьевна) Минович антропологическая.⁷⁵ [В(а)р(вара) Гр(игорьевна) Минович переводчица, пробовала писать открытки с собственными рисунками: как рисунки, так и письмо не без таинственности, за которой искать нечего, а только благожелательство. У нее была сестра, Анастасия Минович, сошла с ума⁷⁶].

Вернулся к Виктору. Нашел записку, чтобы шел к Ф. И. Рюккерту, отцу Иды.⁷⁷ Спустился к Рюккертам. Суворовский играл на рояли.⁷⁸ «Дедушка»⁷⁹ помер: рак языка. Никаких больше таганских новостей. Мешал не то художник, не то музыкант, «встречающий».

Очень мне досадно, что нельзя останавливаться у Николая.⁸⁰ И с письмом моим нехорошо вышло: впустию.

Вечером на лекцию Брюсова: «О театре будущего». Да поскорее бы в Петербург. Есть еще рецензии, вырезаю, привезу. Иде дал 10 руб(лей) выкупить кольцо.

Москва 1907
26 марта
5 ч(асов) д(ня)

От Виктора к Герцык.⁸¹ Тихое семейство, благочестивая мать.⁸² От Герцык к Рябушинскому. В среду вечером читаю на выставке «Голубая Роза». Переменил

мне билет: еду с ним курьерским <в> 12-ть ночи. В Петербурге утром в четверг. От Рябушинского к Брюсову, взял у него билет на сегодняшнюю лекцию.

Сейчас у Николая.

Зайду к А. А. Архангельскому, от него к Гершензону.⁸³ Соседи.

Варвара Сергеевна,⁸⁴ не переставая, стрекочет мне под руку и мешает. А все-таки победа: на этот раз пишу не карандашом.

С Рябушинским говорил о портрете. Кустодиев или Сомов,⁸⁵ но почему-то не Бакст.

Больше всего извелся искавши. Всегда попадаю не туда: не в ту улицу, не в тот дом и — не в тот час, а, верно, и не к тому, к кому бы следовало. Бывает, что прячутся вещи, а от меня убегает земля.

Надеюсь что-нибудь сделать с изданием и этим оправдаю лишний мой московский день. А беспокоит, как ты там с Райсой [Шалауровой, стережет С. П., существо преданнейшее, но разговаривать с ней не о чем].

Москва 1907

27 марта

Ночевал у С. В. Лурье. Хорошо было. Зашел к Николаю письмо написать. И через час пойду узнаю, есть ли что с «Чортовым Логом».

Вчера был у М. О. Гершензона. Как я в нем или через него чувствую Москву.⁸⁶ В доме у него особенный порядок и дети и насторожившаяся Марья Борисовна.⁸⁷ После моих ночей с зверями и не на тычкё, точно попал в комнату из сна, к нам, к своему столу.

В Политехническом Музее на лекции Брюсова встретил Анну Рудольфовну.⁸⁸ Обещал на сегодня к ней. Она добрый человек и тебя любит, она сразу поняла твое место там, духовную высоту. Только уж очень она «расстроена» и когда говорит, зубы не держатся. [А. Р. Минцлова в эти годы в петербургских литературных кругах антропософию разводила].

После лекции был в ресторане у Тестова.⁸⁹

Чувствую такую усталость, валюсь, а еще завтрашний день впереди. И чорт меня дернул согласиться остаться на этот Голубой вечер, поехал бы я сегодня честь-честью.

Как-то там у тебя?

Кольцо привезу. Ничего достать не пришлось.

С Брюсовым о «Страстях» говорил, он придет слушать на «Голубую Розу».⁹⁰ «Иродиада» ему не понравилась.⁹¹ Но он боится, что Волошинское [Максимимиана Александровича Волошина] чтение может все испортить, а главное, опошлить.⁹²

Слушая Брюсова, подумал: как бы ты была довольна: актерства он не признает.⁹³ [Волошин читал с необыкновенным актерским пылом. Ударяя на слова, не по смыслу, а по собственному вдохновению, все оволошывая].

Напишу сегодня же еще [но этого письма нет].

¹ Оригинал письма не сохранился.

² Прислуга Ремизовых.

³ Оригинал письма не сохранился.

⁴ Возможно, речь идет о книге филолога-романиста Д. К. Петрова «Очерки бытового театра Лопе де Вега» (СПб., 1901).

⁵ Подразумевается процесс переработки легенды «О Страстях Господних. Трнадцатый день», вызванный критикой Вяч. Иванова после авторского прочтения рассказа на Башне (Таврическая ул., д. 25) 18 марта 1907 года. Речь идет о фразе, которая в первой печатной редакции легенды (Лимонарь, сиречь Луг духовный. СПб., 1907) получила следующее звучание: «...и Ангелу явиться отвалить от гроба камень — настать Христову дню — Пасхе» (с. 106). Подробнее об истории создания первой редакции сборника «Лимонарь» см. в комментарии А. М. Грачевой: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 6: Лимонарь. С. 664—666.

⁶ Обстановка одной из комнат в квартире брата Николая описана Ремизовым в романе «Крестовые сестры» (1910) в контрастном столкновении предметов интерьера кабинета Павла Плотникова — московского товарища главного героя Петра Алексеевича Маракуллина: «Кабинет был разделен на две половины, на два отдела: с одной стороны висели нестеровских картин, а с другой две клеточки с обезьянами. Между Святой Русью и обезьяной сидел Плотников, обуянный запоём...» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 179). Эта антиномия легла в основу метафорической формулы ремизовского творчества в критике. См.: Иванов-Разумник. Между «Святой Русью» и обезьяной. (Творчество Алексея Ремизова) // Речь. 1910. 11 окт. № 279. С. 2—3.

⁷ Ремизов Сергей Михайлович (1875—1921) — брат А. М. Ремизова; в 1900-е годы биржевой маклер; в конце 1910-х годов служащий канцелярии Курской железной дороги. Уточненные биографические данные о нем см.: Соколов-Ремизов С. Н. Из семейного архива // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева, А. д'Амелия. Pietroburgo; Salerno, 2003. С. 377 (Europa Orientalis. № 4). Ср. его характеристику в романе «Взвихрённая Русь»: «Это брат мой, ни на кого на нас не похожий, с детства писал стихи, сначала „душкинские“, потом „футуристические“, и никогда ничего не печатал; хороший голос был у него, одно время учился в Филармонии, но актером не сделался; вообще никем не сделался — просто был везде (а он должен был поступить на службу) случайным, „временным“, а когда захотел во что бы то ни стало сделаться, как все, из этого ровно ничего не вышло. (...) Он приезжал ко мне во все мои ссылки: в Пензу, в Устьсысольск, в Вологду. А в пензенскую тюрьму он передал мне тысячу штук апельсинов, — по-московски!» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 131).

⁸ Ремизов Николай Михайлович (1872—1936) — старший из четырех братьев Ремизовых; выпускник филологического и юридического факультетов Московского университета; карьеру юриста начинал помощником легендарного адвоката Ф. Н. Плевако; присяжный поверенный Московской судебной палаты, присяжный стряпчий Московского коммерческого суда, после смерти Плевако (5 января 1908 года) сменил его в должности ктитора (церковного старосты) Успенского собора в Кремле.

⁹ Ремизова Варвара Федоровна (урожд. Тархова; 1882—1951) — жена С. М. Ремизова; актриса; в 1900—1910 годах работала в Пензенской Народной Дrame и в других провинциальных театрах; в 1920-е годы состояла в труппе Тетра имени Мейерхольда (ТиМ, с 1926 года — ГОСТИМ). Ремизов знал ее еще гимназисткой, когда он, сосланный из Москвы в Пензу под надзор полиции (1896—1900) студент-марксист, был приглашен к сестрам Тарховым — Варваре и Надежде, готовившимся к театральной карьере, в качестве репетитора. Тогда же произошла встреча Варвары с будущим мужем — С. М. Ремизовым, студентом Театрально-музыкального училища Московского филармонического общества, навецавшим младшего брата в ссылке. 1 июля 1901 года состоялось венчание, на которое был приглашен В. Э. Мейерхольд, уроженец Пензы и товарищ С. М. Ремизова по училищу (приглашение на венчание опубликовано, см.: В. Э. Мейерхольд. Наследие. М., 1998. Вып. 1: Автобиографические материалы. Документы. 1891—1903 / Ред.-сост. О. М. Фельдман. С. 404—405).

¹⁰ Речь идет об адвокатской приемной Н. М. Ремизова в особняке, в котором также располагалась его квартира.

¹¹ Ремизова Варвара Сергеевна (урожд. Глазунова) — дочь владельца ярославской писчебумажной фабрики. См.: *Кобрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 74.

¹² Прозвище восходит к имени римского государственного деятеля Аппия Клавдия Слепого (Саэкус; конец IV — начало III века до н. э.), диктатора и цензора, считающегося основателем юриспруденции.

¹³ Архангельский Алексей Алексеевич (1881—1941) — композитор, автор популярных романсов на стихи русских поэтов; в начале 1900-х годов заведующий музыкальной частью в Театре Корша в Москве; в 1908 году работал в театре миниатюр Н. Баллева «Легучая мышь»; в 1920 году эмигрировал в Париж. Им написана музыка на стихи Ремизова «Беспокойные тучи, куда вы?», впервые опубликованные в ярославской газете «Северный край» (1903. 30 марта. № 83. С. 2), которые также были включены в качестве лирической вставки в первую печатную редакцию рассказа «Придворный ювелир» (Хризопраз. Худ.-лит. сб. изд-ва «Самоцвет». М.: Самоцвет, 1906—1907. С. 38—44). Ноты «Романса для контральто или баритона» на стихи Ремизова сохранились в альбоме писателя 1921 года. «Корова верхом на лошади. Цветник II» с авторской припиской «Стихи устьсысольские напис(аны) в 1901 г(оду)» (РНБ. Ф. 634. № 18. Л. 17—18). В 1903 году Архангельский помогал Ремизову с продвижением его произведений в московских периодических изданиях, в частности, в газете «Курьер». См. упоминание об этом в письмах Ремизова к жене за 1903 год: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 177.

¹⁴ Ремизов Виктор Михайлович (1876—1919) — брат А. М. Ремизова. Как и А. М. Ремизов, закончил Александровское коммерческое училище, учрежденное при поддержке Московского Биржевого общества дядей братьев — Н. А. Найденовым. До 1917 года В. М. Ремизов служил главным бухгалтером в Московском Промышленном банке, также основанном Н. А. Найденовым. О противоположности характеров братьев см. в романе «Взвихрённая Русь»: «Что-то

в нем было похожее на Льва Шестова. Не в философии — никакой философией он не занимался — он знал бухгалтерию и еще в училище (мы вместе учились) умел решить любую задачу, и самые сложные вычисления, не как я на бумажке, в уме делал. Нет, с Шестовым у него было сходство в житейском. В редкие наши свидания он учил меня уму-разуму, желая помочь мне в моей кавардашной жизни, а мне всегда было чего-то чудно: или потому, что советы — „ум-разум“ и от самого доброго желания, а имели очень мало — я чувствовал — житейского. <...> „Смеяться тут нечего, — говорил, бывало, — хочешь помочь человеку, а он дурака валает: вздумал писать деловые письма с завитушками, а никто ведь ничего не понимает! <...>” (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 128—129).

¹⁵ Соколов Сергей Алексеевич (1878—1936) — поэт, критик, печатавшийся под псевдонимом Сергей Кречетов; владелец и руководитель символистского издательства «Гриф», прозванный в литературных кругах «Грифом». Эпистолярное общение Ремизова с Соколовым началось в 1903 году в связи с первыми публикациями писателя в одноименном издательству альманахе (1903—1905). Личное знакомство состоялось в 1905 году, когда Соколов, помимо своего издательства, стал заведовать литературным отделом журнала «Золотое руно». Упоминание о встрече Ремизова с Соколовым на организационном собрании «Золотого руна» 30 ноября 1905 года см.: Ремизов А. Кукха. Розановы письма / Изд. подг. Е. Р. Обатгина. СПб., 2011. С. 34 (сер. «Лит. памятники»). Сотрудничество продолжилось и в 1907 году, когда возник новый издательский проект — журнал «Перевал», который по своей общественно-радикальной направленности выступал оппонентом символистским журналам «Золотое руно» и «Весы», а также издательству «Скорпион». Письма Соколова к Ремизову за 1905—1912 годы см.: РНБ. Ф. 634. № 203.

¹⁶ Осип Дымов (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959), прозаик, драматург, журналист. См. о нем: Дымов Осип. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия: В 2 т. / Пер. с идиша М. Лемстера; общ. ред., вступ. статья и комм. В. Хазана. Иерусалим, 2011.

¹⁷ Знакомство Ремизова с Андреем Белым (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) состоялось 3 декабря 1905 года в Петербурге, когда молодой московский поэт гостил у З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского в их квартире на Литейном пр., д. 24/27 (дом А. Д. Мурузи) (подробнее об этом см.: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995). Впечатления о знакомстве с Ремизовым Андрей Белый описал в третьей книге мемуарной трилогии (*Белый Андрей. Между двух революций* / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 64). Переписка между писателями продолжалась с 1906 по 1917 год (см.: Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 437—508).

¹⁸ Маковский Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, художественный критик, организатор художественных выставок, мемуарист; в 1909—1917 годах редактор журнала «Аполлон»; с 1920 года в эмиграции. Маковский активно содействовал изданию романа Ремизова «Пруд» (СПб.: Сирус, 1908). См. об этом: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 171, 228.

¹⁹ Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист, критик, в 1899—1904 годах руководитель литературного отдела в журнале «Мир искусства». До первой личной встречи в Петербурге Ремизов состоял с Философовым в переписке (1901—1904); критик отправлял ему в Вологду номера «Мира искусства» и старался ввести начинающего писателя в столичный литературный мир. В 1904 году Ремизов переслал Философову как представителю редакции журнала «Новый путь» первую часть своего первого романа «Пруд» и получил ответ, свидетельствующий о неподдельном интересе к этому произведению. Подробнее об истории их отношений см.: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Вступ. статья, публ. и комм. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 366—422.

²⁰ Милиоти Василий Дмитриевич (1875—1943) — живописец, график, критик, член художественных объединений «Голубая роза», «Свободная эстетика», «Мир искусства»; заведующий художественным отделом журнала «Золотое руно».

²¹ Тастевен Генрих Эдмундович (1881—1915) — литературный и художественный критик (псевд. Г. Т., Эмпирик), с 1907 года секретарь редакции, а также заведующий переводами на французский язык в журнале «Золотое руно»; племянник известного книгооторговца, краеведа и историка французской диаспоры в Москве Ф. И. Тастевена. См. его исследование «Histoire de la colonie française à Moscou depuis les origines à 1812» (Paris; Moscou, 1908), а также переводы статей по истории Москвы «Кузнецкий Мост и прилегающие к нему улицы в конце XVIII столетия» и «Лубянка и прилегающие к ней улицы в XVII и XVIII столетиях» в сб.: Старая Москва. М., 1993. Вып. 1—2 (факс. изд. 1912 и 1914 годов). Подробнее о Тастевенах (племяннике и дяде) см.: Лидин Вл. Друзья мои — книги. Заметки книголюбца. М., 1966. С. 6—8.

²² Ф. Тастевен был восприимчиком Ф. Готье, известного французского книгооторговца, державшего магазин на Кузнецком Мосту в Москве.

²³ Рябушинский Николай Павлович (1876—1951) — миллионер, меценат, при финансовой поддержке которого был образован журнал «Золотое руно». См.: Лавров А. В. «Золотое

Руно» // Лавров А. В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 458—459. Ср. впечатление от встречи с владельцем нового журнала в письме Льва Шестова Ремизову от 3 февраля 1906 года: «Был недавно в Москве (...). В „З(олотом) Р(уне)“ анекдот вышел. Я написал на хозяина — Н. П. Рябушинского. Кроме него в редакции никого не было. Он сказал мне, что он и издатель, и редактор. Но, когда я попробовал с ним поговорить о литературе, оказалось, что он (...) кроме Брюсова, Бальмонта и Мережковского, никого не знает. Да и тех, кого знает, знает только по именам. Вот так редактор!» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 165).

²⁴ Малахеева-Мирович Варвара Григорьевна (1869—1954) — писательница, поэтесса, литературный критик; в конце 1900-х годов заведовала беллетристическим отделом журнала «Русская мысль». Ее знакомство с Ремизовым произошло благодаря протекции Льва Шестова, который состоял с ней в дружеских отношениях. См. об этом: *Малахеева-Мирович В.* О переходящем и вечном. Дневниковые записи (1930—1934) / Подг. текста, вступ. статья и прим. Н. Громовой // Новый мир. 2011. № 6. С. 130—149; см. также: *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 106. В следующем году в журнале «Русская мысль» была опубликована рецензия Мирович сразу на два произведения Ремизова — сборник «Лимонарь, сиречь Луг духовный» и роман «Пруд» (Русская мысль. 1908. № 1. Отд. III. С. 3—6).

²⁵ Знакомые по Устьысольску, где А. М. Ремизов и С. П. Ремизова-Довгелло как политические ссыльные находились в 1900—1902 годах.

²⁶ Маленький сын Заливских стал героем одного из ранних рассказов Ремизова «Бетка» (1901), опубликованного в московской газете «Курьер» (1902. 24 нояб. С. 3) за подписью «А. Ремизов (Молдаванов)».

²⁷ Речь идет о рассказе «Слоненок», впервые опубликованном в журнале «Перевал» (1907. № 7). Издатель-редактор журнала С. А. Соколов писал автору по поводу присланной в редакцию рукописи: «„Слоненка“ взять для „Перевала“ весьма не прочь. Только — просьба. Нельзя ли дать дворнику „Ялде“ несколько более выносимую ухом фамилию? А то прямо сил нет!» (РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 17; письмо от 7 февраля 1907 года) В печатной редакции дворник был наречен Мухтаром.

²⁸ Речь идет о возможности опубликовать рассказ, в случае, если бы он не был принят в издательстве «Оры». См. также прим. 5.

²⁹ Художественная выставка, проходившая с 18 марта по 29 апреля 1907 года на Мясницкой ул., в доме Кузнецова. В современной критике творчество художников, впоследствии объединившихся под названием «Голубая роза», характеризовалось как ярко выраженный «эмоционализм». Подробнее об этом см.: *Крусанов А.* Русский авангард. 1907—1932. (Исторический обзор): В 3 т. М., 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. С. 62—65. См. также статью одного из организаторов экспозиции: *Маковский С. К.* «Голубая Роза» // Золотое руно. 1907. № 5. С. 25—28.

³⁰ Судейкин Сергей Юрьевич (1882—1946), Сапунов Николай Николаевич (1880—1912) — художники, знакомство Ремизова с которыми началось в 1906 году, очевидно, в дружеском кругу общения М. А. Кузмина.

³¹ Подразумевается Николай Петрович Феофилактов (1878—1941), живописец, график, иллюстрировавший символистские издания (автор марки издательства «Скорпион»), сотрудник журналов «Мир искусства», «Весы»; на выставке «Голубая роза» представил работы с эротическими мотивами. Знакомство с ним Ремизова относится к октябрю 1906 года, когда Феофилактов вместе с Судейкиным приехали в Петербург и бывали у М. А. Кузмина. См., в частности, описание вечера 2 ноября 1906 года: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 254.

³² Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — художник. Речь идет о портрете Ремизова, опубликованном в летнем номере «Золотого руна» (№ 7—8—9) за 1907 год. История портрета писателя имела конфликтный контекст: первоначально Н. П. Рябушинский отверг работу М. В. Сабашниковой, созданную уже в феврале 1907 года по заказу «Золотого руна» и выполненную, по оценке самой художницы, «в манере натуралистического гротеска» (подробнее об этом см.: *Волошина М.* Сабашникова М. В.) Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступ. статья С. О. Прокофьева. М., 1993. С. 157; *Волошин М.* История моей души // Волошин М. Собр. соч. М., 2006. Т. 7. Кн. 1. С. 253). Работа Кустодиева над заказом Рябушинского началась 4 апреля, что подтверждается письмом Ремизова художнику от 3 апреля, в котором он подробно описывает местоположение своей квартиры и назначает время встречи (ГРМ. Ф. 26. № 34. Л. 2). Кустодиев является автором нескольких живописных, графических и скульптурных портретов Ремизова, которые хранятся в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург) и Государственном литературном музее (Москва). В 1910 году им был также сделан скульптурный портрет Ремизова (ГРМ) и набросок сангиной (ГЛМ). Между писателем и художником завязались дружеские отношения на почве интереса к русской старине. Ремизов хорошо знал всех членов семьи Кустодиева. Отдельные мотивы произведений Ремизова 1910-х годов, в частности, рассказа «Мурка» (1912) и сказки «Коловертыш» (1910), связаны с реальными событиями из жизни маленькой дочери художника Ирины. По-

дробнее об этом см. наш комментарий к вышеназванному рассказу: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 619.

³³ По-видимому, речь идет о ближайших планах художника, поскольку над портретом Федора Сологуба (1863—1927) по заказу журнала «Золотое руно» Кустодиев работал в апреле—мае 1907 года. Публикация портрета (трехцветная автотипия) состоялась осенью (№ 11—12).

³⁴ Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866—1924) — художник, участник группы «Мир искусства». К началу 1907 года Ремизов состоял в приятельских отношениях с Бакстом, который вошел в узкий круг «ценителей» эротической сказки «Что есть табак. Гоносиева повесть», написанной на Святки 1906 года. Об интересе к «Табаку» свидетельствует письмо Бакста от 5 января 1907 года, в котором упоминается герой сказки монах Саврасий: «Дорогой Алексей Михайлович. Не откажите принять цветы с могилы отца Саврасия; куришь, радуешься, а подумаешь из какой пакости удовольствие идет! До вечера. Ваш Лев Бакст» (ОР ГТГ. Ф. 75. № 229; опубл.: *Бакст Л. Моя душа открыта*: В 2 кн. М., 2010. Кн. 2: Письма. С. 113). В 1921 году Бакст проиллюстрировал издание другой эротической сказки Ремизова «Царь Додон».

³⁵ Речь идет о портретах З. Н. Гиппиус (1906, ГТГ) и Андрея Белого (1905, ГТГ; опубл.: *Золотое руно*. 1907. № 1). См. воспоминания литераторов о сеансах позирования Баксту: *Белый Андрей*. Между двух революций. С. 63; *Гиппиус З. Умная душа (О Баксте)* // Гиппиус З. *Неизвестная проза*: В 3 т. СПб., 2002. Т. 1: Мечты и кошмар. *Неизвестная проза 1920—1925 годов* / Сост., вступ. статья и комм. А. Н. Николюкина. С. 390; см. также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* *Неизданная статья Андрея Белого «Бакст»* // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1978. Л., 1978. С. 98.*

³⁶ Дочь Н. М. Ремизова Галина Николаевна Ремизова. Этой своей маленькой племяннице А. М. Ремизов посвятил одну из первых сказок «посолонного» цикла «Медведюшка» (1900), впервые опубликованную с подзаголовком «Галин сон» в журнале «Новый путь» (1903. № 6. С. 56—63).

³⁷ Описанию дома Дивиных, вход в который был чрезвычайно затруднен и запутан, посвящена первая часть рассказа «Чёртик».

³⁸ Речь идет о Литературно-художественном кружке, учрежденном театральными деятелями Москвы в 1890 году. В первой половине 1900-х годов кружок во главе с А. И. Сумбатовым-Южиным, которого в 1908 году сменил В. Я. Брюсов, стал известным культурным центром, объединявшим представителей всех направлений в искусстве и литературе, а также научную интеллигенцию. Один из видов деятельности кружка состоял в организации авторских вечеров чтения, проходивших в здании, расположенном в Москве на ул. Большая Дмитровка, 15 (дом Вострякова). Подробнее об этом кружке см.: *Шрубба М.* *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь*. М., 2004. С. 107—110.

³⁹ В тот же день газета «Русские ведомости» в рубрике «Московские вести» анонсировала программу предстоящего собрания: «Сегодня, 23 марта, в Литературно-художественном Кружке, в 9 ч. веч., состоится литературно-исполнительное собрание. Для участия в этом собрании приезжают несколько писателей из Петербурга. Следующие поэты и беллетристы прочтут свои новые произведения: Осип Дымов — рассказ „Мы плывем“, Н. Д. Телешов — отрывок из повести „Крамола“, Борис Зайцев — рассказ „Май“, Андрей Белый — стихотворение „Пустыня“, Сергей Кречетов — стихотворение „Песнь о мертвом море“, Алексей Ремизов — „Гнев Ильи Пророка“, Сергей Маковский — стихотворение „Песни Астарте“, Иван Белоусов — перевод из Шевченко, Виктор Стражев — стихотворение „Странник“, Иван Бунин — стихотворение» (1907. 1 (14) апр. № 91. С. 4). В качестве дополнительного штриха к описанию собрания в кружке 23 марта 1907 года может служить короткая запись Муромцевой-Буниной (*Муромцева-Бунина В. Н.* *Жизнь Бунина. 1870—1906. Беседы с памятью* / Сост., предисл. и прим. А. К. Бабореко. М., 1989. С. 291).

⁴⁰ Стражев Виктор Иванович (1879—1950) — педагог по специальности, в начале своего творческого пути заявил о себе как поэт, ориентированный на символистскую эстетику; сблизился с кругом литераторов, группировавшихся вокруг издательства «Гриф» и журнала «Перевал». В том же году, с 17 сентября по 8 октября, под его редакцией стала выходить газета «Литературно-художественная неделя» (№ 1—4), инициатором группой начинающих писателей, среди которых были Б. К. Зайцев и Б. А. Грифцов. Впоследствии Зайцев вспоминал, что газета «погибла (<...> от безденежья и „холодности“ публики» (*Зайцев Б. К.* *Москва* // *Зайцев Б. К.* *Собр. соч.*: В 5 т. / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 44). В газете Стражев опубликовал благожелательную рецензию на книгу Ремизова «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907) под псевдонимом «В. С.». В ней, в частности, говорилось: «...г. Ремизов прежде всего превосходно использовал богатейшие россыпи старопечатного языка, в котором церковная пышность и возвышенность спаяны с домашним обиходом и грубой непосредственностью младенца-народа (<...> „повествование по апокрифам“, рядом с его превосходной книгой сказок „Посолонь“, бесспорно, представляют дорогое и желанное событие в нашей литературе» (*Литературно-художественная неделя*. 1907. № 1. С. 4).

⁴¹ Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — писатель, продолжатель чеховской традиции реалистического рассказа; основатель известного в Москве кружка «Среда». Подробнее

об этом кружке см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов. С. 226—231. См. также воспоминания Телешева «Записки писателя» (М., 1928. С. 24—32).

⁴² Белоусов Иван Алексеевич (псевд. И. Б. Усов; 1863—1930) — поэт, прозаик, переводчик; автор мемуарных книг о литературной Москве. См. его воспоминания о Литературно-художественном кружке: *Белоусов И. А.* Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928. М., 1928. С. 198—211. Прозвище «малороссийский дьячок», вероятно, возникло в результате слуховой и зрительной памяти, поскольку Белоусов (уроженец Москвы) внешне походил на означенный прозвищем типаж и к тому же был переводчиком с украинского и белорусского языков.

⁴³ Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — выразитель импрессионистического направления в прозе. В 1907 году имя начинающего писателя (дебют которого состоялся в 1901 году, когда газета «Курьер» напечатала его рассказ «В дороге») уже было на слуху в литературной среде. Он был постоянным участником журфиксов Н. Д. Телешева (кружок «Среда»), членом Литературно-художественного кружка. Личное знакомство с Ремизовым произошло в 1906 году, когда Зайцев как корректор издательства «Золотое руно» принимал участие в подготовке книги «Посолонь». Тогда же завязалась их переписка. Ср., в частности, письмо Зайцева Ремизову от 15 декабря 1906 года, в котором он заверял «...насчет корректуры „Посолонь” не беспокойтесь, — я слыхал все очень тщательно» (*Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2001. Т. 10 (доп.). Письма 1901—1922. Статьи. Рецензии. С. 32), а также мемуарный очерк Зайцева «О Ремизове. К десятилетию кончины» (Там же. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 358—359).

⁴⁴ Герцык Владимир Казимирович (Лубны-Герцык; 1885—1976) — геодезист, лесовед; сводный брат Аделаиды и Евгения Герцык. Герцык Евгения Казимировна (Лубны-Герцык; 1878—1944) — переводчица, критик; Ремизов был знаком с ней с начала 1906 года, когда, приехав в Петербург, Е. К. Герцык познакомилась с Вяч. Ивановым и побывала на одной из «Сред» на Таврической, посвященной теме «О Черте» (22 февраля) (см.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 170).

⁴⁵ Герцык Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык; 1874—1925) — поэтесса, критик; в 1908 году вышла замуж за Дмитрия Евгеньевича Жуковского (1868—1943), переводчика, издателя философской литературы. Знакомство с ним Ремизова было связано со службой в 1905 году в редакции журнала «Вопросы жизни», официальным редактором которого являлся Жуковский. После женитьбы на Герцык он переехал из Петербурга в Москву.

⁴⁶ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, философ и литературный критик. О творческих взаимоотношениях литераторов см.: Из архива Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова (1905—1922) / Публ. Т. Макагоновой // Река времен. М., 1995. Кн. 3. С. 156—173.

⁴⁷ Проза Николая Ивановича Тимковского (1863—1922) в символистской критике характеризовалась как «фотографический реализм», лишенный «смелого захвата и какой бы то ни было глубины и проникновения» (*Гофман В. Н.* [Рец.] Тимковский. Повести и рассказы. V. М. 1909 // Современный мир. 1909. № 4. Отд. II. С. 104).

⁴⁸ Каллаш Владимир Владимирович (1866—1918) — писатель, литературовед, фольклорист; в начале 1900-х годов участник журфиксов В. Я. Брюсова (см.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 122).

⁴⁹ Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959) — актриса Московского Художественного театра; жена А. П. Чехова.

⁵⁰ Подразумевается дом брата Николая в Большом Афанасьевском переулке.

⁵¹ Имеется в виду редакция журнала «Перевал», располагавшаяся на Пречистенском бульваре в доме Тарасова, кв. 1. Первый номер нового журнала «Перевал», задуманного С. А. Соколовым после его выхода из состава редакции «Золотого руна» в июле 1906 года, увидел свет 20 ноября 1906 года. Этот издательский проект продержался по октябрь 1907 года. В своей идейной ориентации «Перевал» конкурировал с известными символистскими изданиями, прежде всего с сугубо эстетическими по своей программе «Золотым руном» и «Весами». Задачей журнала, по мысли Соколова, было «объединение свободного искусства и свободной общности» (От редакции // Перевал. 1906. Ноябрь. № 1. С. 3). Подробнее об истории этого издания см.: *Лавров А. В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. С. 486—514; *Соболев А. Л.* «Перевал». Журнал свободной мысли. 1906—1907: Аннотированный указатель содержания. М., 1997. Привлечение в журнал Ремизова отвечало задаче Соколова объединить писателей, синтезирующих в своем творчестве символизм и реализм. Соколов видел в Ремизове потенциального сотрудника и держал его в курсе издательских дел, сообщая и о сложении с себя полномочий редактора «Золотого руна» в письме от 15 июля 1906 года (РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 9), и о создании нового журнала (Там же. Л. 11). На приглашение Соколова Ремизов откликнулся рассказом «Без пяти минут барин», который был опубликован в первом номере «Перевал. 1906. № 1. С. 34—35), с учетом пожеланий редактора, в мягкой форме высказавшего стилистическое замечание в письме от 20 сентября 1906 года: «Спасибо за память. „Без пяти минут барина” берем. Чуть смущает меня, признаюсь, „дерево на лопате»» (РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 13).

⁵² Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) был в числе сотрудников журнала «Перевал», в котором публиковались его стихи (1906. № 2; 1907. № 2); в то время позиционировал себя как

поэт реалистического направления, державшийся по отношению к модернистам отчужденно и даже критически. См., например, его речь на юбилее газеты «Русские ведомости» (1913) (Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 314—322), а также критические высказывания о модернистской поэзии (*Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 286, 297—298, 302—303).

⁵³ Данная характеристика Бунина является ярким примером привнесения в текст писем 1907 года позднейших оценок, сформировавшихся за годы эмиграции.

⁵⁴ Речь идет о доме на углу Арбата и Денежного переулка (ныне: Арбат, д. 55), где располагалась квартира семьи Бугаевых.

⁵⁵ Подразумевается оценка этого произведения Вяч. Ивановым, назвавшим его «кощунством» после первого авторского чтения на Башне 18 марта 1907 года. Предысторию сборника «Лимонарь, сиречь Луг духовный» см. в рефлексиях современников: *Гофман В.* Петербургские воспоминания // *Воспоминания о серебряном веке.* М., 1993. С. 376—377; *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 335; *Волошина М. (Сабашникова М. В.)* Зеленая Змея. История одной жизни. С. 165. Текст легенды был не только отредактирован для издательства Вяч. Иванова «Оры» в 1907 году, но впоследствии переработан и для второй печатной редакции в томе собрания сочинений писателя (*Ремизов А.* Соч. СПб., [1912]. Т. 7: Отреченные повести). Трактовка новозаветных событий в ремизовском апокрифе вызвала также критический отклик ученого-медиевиста И. А. Шляпкина, который усмотрел в подобном видении ключевого сюжета православного катехизиса «кощунственный тон». Подробнее о ремизовской интерпретации апокрифических мотивов, положенных в основание легенды «Страсти Господни. Триденевен во гробе», см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 63—70; 82—84.

⁵⁶ К марту 1907 года на «Посолонь», выпущенную в конце 1906 года, успели откликнуться в печати Андрей Белый и А. К. Герцык. Две другие значимые для Ремизова рецензии — С. Городецкого и М. Волошина — появились в апреле.

⁵⁷ В первом полугодии 1907 года московское издательство «Заратустра» опубликовало сборник Стражева «О печали светлой. Стихотворения 1905—1906 гг.».

⁵⁸ О предстоящей лекции В. Я. Брюсова «Театр будущего» в Политехническом музее сообщила, в частности, газета «Русские ведомости» (1907. 25 марта. № 69. С. 5).

⁵⁹ Редакция журнала «Весы», выходявшего под руководством В. Я. Брюсова в книгоиздательстве «Скорпион» с января 1904 по декабрь 1909 года, располагалась на Театральной площади, в Метрополе, кв. 23.

⁶⁰ Подробнее о творческих контактах Ремизова с Валерием Яковлевичем Брюсовым (1873—1924) см.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и комм. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 137—222. Описание первой встречи с поэтом, состоявшейся в ноябре 1902 года, во время краткосрочного приезда Ремизова в Москву, см.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 145.

⁶¹ Лурье Семен Владимирович (1867—1927) — философ, публицист, сотрудник редакции журнала «Русская мысль» (1908—1911); один из ближайших друзей Л. И. Шестова. См. о нем: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 2. С. 311—312; *Герцык Е.* Воспоминания. С. 106.

⁶² Шестов Лев Исаакович (наст. фам. Шварцман; 1866—1938) — философ, близкий друг Ремизова. Их знакомство состоялось ранней осенью 1904 года в Киеве. С этого времени Шестов принимал самое деятельное участие в литературной и личной жизни Ремизова, щедро открывая младшему товарищу двери во все литературные дома Москвы и Петербурга, в которые был вхож сам и с хозяевами которых был дружен. История их взаимоотношений запечатлелась в обширной переписке (см.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 158—197; № 4. С. 92—133; 1993. № 1. С. 170—181; № 3. С. 130—140; № 4. С. 147—158; 1994. № 1. С. 159—174; № 2. С. 136—185; см. также: *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 139—156).

⁶³ Речь идет о приобретениях в коллекцию игрушек Ремизова, ставшую со временем известной, отчасти, благодаря персонажам сказок из книги «Посолонь». О первых экземплярах, пожизвших начало собранию, Ремизов вспоминал: «Игрушки появились у меня с „Посолони“. Московский психиатр доктор Певзнер затеял „Посолонью“ вернуть душевный покой одной здравомыслящей, впавшей в „изумление ума“: на нее напала тоска, перед ней копошились и мучили ее чудища. По предписанию доктора она должна была сделать куклы упоминаемых в „Посолони“ сверхъестественных существ. За несколько месяцев увлекательной работы образы „Посолони“ обернулись в чудища-куклы. Видения, мучившие больную, ушли, и тоска рассеялась. С игрушек сделана была копия, и со стены перед моим столом глянул — весь мир „Посолони“» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 119). Описание ремизовской коллекции игрушек см.: *Волошин М. Алексей Ремизов. «Посолонь».* Изд. «Золотого Руна». 1907 г. // Русь. 1907. 5 апр. № 95. С. 3; *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова. (Творимый апокриф) //

Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2; А. [Измайлов А.] В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10—11.

64 С. М. Ремизов с семьей снимал комнату в Сокольниках. Ср. воспоминания писателя о материальном и жилищном положении брата: «...уже несколько лет у него не было „угла“: он попал в большую беду и два года ходил по Москве без должности, и „угол“ у него был только для ночлега» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 130). См. также: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. С. 75.

65 Праздник Благовещенья праздновался 25 марта.

66 Соколова-Ремизова Елена Сергеевна (1902—1976) — дочь С. М. и В. Ф. Ремизовых, с которой связаны сказочные образы ряда «посолонных» сказок Ремизова. Ср. следующее замечание писателя, относящееся к началу 1950-х годов: «Моя племянница (...) Елена с детства любила сказки. От нее я узнал о старухе Буробе и о „кучерище“, который ест игрушки» (Ремизов А. Рабочие тетради // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова. 1910—1950-е годы. СПб., 2010. С. 312). Подробнее о ней см.: *Соколов-Ремизов С. Н. Из семейного архива*. С. 373—405.

67 Ремизова Мария Александровна (урожд. Найденова; 1848—1919) — мать братьев Ремизовых. А. М. Ремизов, говоря о матери, использовал немецкое слово Mutter, в память о ее пристрастии к немецкому языку, выработанному благодаря обучению в Лютеранской Петропавловской школе. Подробнее о ней см.: *Ремизов А. В розовом блеске*. Нью-Йорк, 1952. С. 304—309. В начале 1900-х годов М. А. Ремизова оставалась жить во флигеле на заднем дворе усадьбы своего брата — В. А. Найденова, в старом московском районе Сыромятники (у Полуярского моста). В этом флигеле прошло детство ее сыновей. Страдавшая рассеянным склерозом, М. А. Найденова находилась под присмотром родственников.

68 Дымов был одним из приглашенных на вечер в Литературно-художественном кружке петербургских литераторов.

69 В литературных салонах Дымов славился способностью виртуозно пародировать окружающих. Об одной из таких эскапад упоминала Л. Д. Зиновьева-Аннибал в письме к М. М. Замятинной, описывая собрание литераторов на «Башне» Вяч. Иванова 28 сентября 1905 года: «Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатом с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых остро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно...» (цит. по: *Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники*. С. 132). Ср. также реплику из дневника Ремизова 1905 года: «Читал Осип Дымов. Он изумительно представляет и особенно А. Л. Волынского» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 19).

70 В оригинальном письме имеется замечание: «не знаю, кажется, он инженер», которое, очевидно, связано с плохой осведомленностью о роде занятий С. В. Лурье, который, как и Л. И. Шестов, продолжал родительское дело. Ср. штрихи к его портрету начала 1900-х годов в мемуарах Е. К. Герцык: «Красивый еврей Лурье, преуспевающий коммерсант, но и философ немножко, в то время увлеченный „Многообразием религиозного опыта“ Джемса, позднее им же изданного» (Герцык Е. Воспоминания. С. 106).

71 Речь идет об открывшейся осенью 1909 года язве желудка. Ср. комментарий Ремизова к одному из сочувственных писем к нему В. В. Розанова по поводу болезни: «В 1909—1910 г. я сильно был болен этой язвой самой. И терпеливо сносил боли, живя окончательно в затворе. А вылечился я диетой: питался одной овсянкой. Не забывал Розанов, Шестов, Иванов-Разумник» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 472).

72 Крупное воспаление легких вспыхнуло 23 сентября 1917 года. Острая форма болезни сохранялась до 4 октября. Краткую хронику этого драматического противостояния смерти (включая скрупулезную фиксацию температурных значений) см. в дневнике писателя: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь*. С. 481—482.

73 Бутова Надежда Сергеевна (1878—1921) — актриса Московского Художественного театра, входила в дружеский круг Л. И. Шестова, благодаря которому Ремизов свел с ней знакомство.

74 Ср. очерк Б. К. Зайцева «Надежда Бутова», в котором мемуарист подчеркивал исключительную «набожность» и «истовость» актрисы, свойственную ей с юности: «Некое древнее упрямство было в ней, раскольничье. Двести лет назад за двуперстное сложение жизнь бы отдала (...). Жила холостяком, в студии красно-зеленого, северного модерна дома Перцова, против Храма Христа Спасителя. (...) Иконы в углу, лампадка, деревянный стол, русская скамья. Вышитые полотенца...» (Зайцев Б. К. Москва // Зайцев Б. К. Собр. соч. Т. 6 (доп.). С. 84—85). Схожие впечатления о Бутовой и обстановке ее дома в 1900-е годы запечатлела в своих «Воспоминаниях» и Е. К. Герцык: «...Бутова, артистка Худ(ожественного) театра, высокая и худая, с лицом скитницы. (...) Большая убранный кустарными тканями комната с окнами на храм Спасителя» (с. 106).

75 Религиозно-философские искания В. Г. Миревич нашли отражение в ее стихах 1900-х годов, собранных в книге «Монастырское» (М., 1923). По-видимому, к началу 1920-х годов она утвердилась в православии, поскольку в 1921 году поселилась в Сергиевом Посаде, присоединившись к своим давним друзьям П. А. Флоренскому и С. П. Мансурову и их семьям.

⁷⁶ Мирович Анастасия Григорьевна (1874/1875—1919) — поэтесса, прозаик; в 1901—1902 годах печаталась в альманахе «Северные цветы», выходявшем под редакцией В. Я. Брюсова в издательстве «Скорпион». Психическое расстройство развилось у нее в 1902 году на почве безответной любви к Л. И. Шестову. Подробнее об этом см.: *Малахеева-Мирович В.* О преходящем и вечном. Дневниковые записи (1930—1934). С. 131, 133. По-видимому, Ремизов не был лично знаком с А. Г. Мирович и даже в 1940-е годы не связывал ее имя с именем своего друга Л. И. Шестова. Впервые о ее заболевании он услышал во время приезда в Москву из вологодской ссылки осенью 1902 года. Ср. письмо к П. Е. Щеголеву от 8 (21) ноября 1902 года: «Анаст(асия) Мирович — в сумасшед(шем) доме (также и Врубель)» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда (1902—1903). С. 150).

⁷⁷ Рюккерт Федор Иванович (Rückert Friedrich Mauritz; 1840—1917) — русский ювелир немецкого происхождения, знаменитый эмальер, с 1887 года работавший в мастерской Карла Фаберже; в 1910-е годы владелец фабрики серебряных изделий в Москве на Воронцовской ул., д. 29, располагавшейся в собственном доме, где находились также помещения под мастерские, кабинеты и жилые комнаты. Вся семья Рюккертов жила в доме на Воронцовской, кроме двух дочерей, Иды и Адель. Ида Федоровна Рюккерт (1873—1958), дочь Ф. И. Рюккерта от первого брака, жена В. М. Ремизова.

⁷⁸ Суворовский Николай Павлович — друг юности Н. М. Ремизова, учился с ним в 4-й Московской гимназии; впоследствии композитор, библиофил; сдружился с братьями Ремизовыми, в частности, навещал вместе с С. М. Ремизовым в Пензе А. М. Ремизова, отбывавшего там ссылку. В архиве семьи С. М. Ремизова сохранились фотографии Суворовского в кругу членов семей братьев Ремизовых, на одной из которых он запечатлен за пианино (см.: *Соколов-Ремизов С. Н.* Из семейного архива. С. 384, 393, 398). Ср. также упоминание о нем в романе «Подстриженными глазами»: «Суворовский играл на рояли и боготворил Чайковского...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 164).

⁷⁹ По всей вероятности, ближайший родственник второй жены Ф. И. Рюккерта — Евгении Калистратовны Беловой.

⁸⁰ Особняк в Большом Афанасьевском переулке, в котором находилась адвокатская приемная Н. М. Ремизова и одновременно жила его семья, был взят под охрану Императорской археологической комиссией, чем, по-видимому, объясняется ряд сложностей проживания в этом доме.

⁸¹ Семья Е. К. Герцык жила по адресу: Малый Ивановский пер., д. 4, кв. 10.

⁸² Имеется в виду не родная мать Е. К. и А. К. Герцык — Софья Масимилиановна Тидебель (1848—1880), а их мачеха — Евгения Антоновна Герцык (Лубны-Герцык, урожд. Вокач; 1855—1930).

⁸³ М. О. Гершензон с семьей жил на углу Поварской и Борисоглебского переулков, в доме Балашевой.

⁸⁴ В. С. Ремизова.

⁸⁵ Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — художник; член объединения «Мир искусства»; сотрудник журнала «Золотое руно», оформлявший это издание; автор портрета А. Блока (Золотое руно. 1908. № 1). Первое из известных писем художника к Ремизову (от 20 декабря 1905 года) подтверждает намерение Сомова писать его портрет: «Надеюсь, что Вы и Серафима Павловна меня скоро посетите, я с портретом буду поджидать Вас» (РНБ. Ф. 634. № 207. Л. 1). Возможно, именно личные планы заставили Сомова критически высказаться о портрете Ремизова, написанном М. В. Сабашниковой в феврале 1906 года (см.: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 320). В 1908 году он иллюстрировал книгу Ремизова «Что есть табак». В 1910 году по заказу Н. П. Рябушинского вместе с Ремизовым создал уникальный список этой сказки с каллиграфией писателя и оригиналами собственных рисунков. В процессе подготовки артефакта Сомов консультировал Ремизова в вопросах выбора шрифтов и чернил.

⁸⁶ Одна из литературоведческих тем, занимавших Гершензона, — Москва в биографии писателей и произведениях художественной литературы. В 1914 году в издательстве М. и С. Сабашниковых вышла его книга «Грибоедовская Москва».

⁸⁷ Гершензон Мария Борисовна (урожд. Гольденвейзер; 1873—1940) — жена М. О. Гершензона.

⁸⁸ Минцлова Анна Рудольфовна (1865—1910?) — переводчица, теософка и оккультистка; первая русская последовательница учения Р. Штейнера; в 1906—1908 годах в Петербурге была особенно близка к М. Волошину и его жене, художнице М. В. Сабашниковой, а также к Вяч. Иванову. Подробнее о ней см.: *Carlson M. Ivanov—Belyj—Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov / A cura di F. Malcovati. Firenze, 1988. Vol. 1. P. 63—79; Богомоллов Н. А. Anna-Rudolph // Богомоллов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 23—110. Знакомство супругов Ремизовых с Минцловой произошло в контексте общения с Волошینیными, у которых они бывали в ноябре 1906 года (см.: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 258, 278, 288).*

⁸⁹ Речь идет о знаменитом своей кухней трактире И. Я. Тестова, преобразованном в ресторан, который располагался на углу Воскресенской и Театральной площадей, в одном доме с гостиницей «Континенталь».

⁹⁰ На литературном вечере 29 марта, устроенном на экспозиции выставки «Голубая роза», Ремизов предполагал читать апокриф «Страсти Господни. Трнадцать в гробе».

⁹¹ Подразумевается легенда Ремизова «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» («Лимонарь, сиречь Луг духовный». С. 5—25), которая, в отличие от популярных среди символистов интерпретаций библейского сюжета о гибели Иоанна Крестителя, принадлежавших перу О. Уайльда, С. Малларме и Г. Флобера, основывалась на народных сказаниях, почерпнутых из работ А. Н. Веселовского. См. главу «Легенды об Ироде и Иродиаде и их народные отражения» в монументальном исследовании ученого «Разыскания в области русского духовного стиха» (Разд. XVI. С. 205—329). Подробнее об этом см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. С. 54—57. В конце 1906 года прошло несколько авторских чтений этого произведения в петербургских литературных салонах, в частности, 2 ноября у М. А. Кузмина, который записал: «Были Волошины и Вяч(еслав) Ив(анович). Алек(сей) Мих(айлович) читал свою „Иродиаду“, очень красочную и душевную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 258).

⁹² Возможно, Ремизов рассказал Брюсову о своем намерении участвовать в коллективной поездке литераторов с публичными выступлениями в Саратов. Этот план обсуждался в письмах писателя к Максимилиану Александровичу Волошину (1877—1932) в феврале того же года (см.: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2010. Т. 9: Письма 1903—1912. С. 354—355). Поездка не состоялась.

⁹³ Очевидно, речь идет о лекции В. Я. Брюсова «Театр будущего». Ср. один из пассажей этого выступления, опубликованный по сохранившемуся автографу: «...содержанием драмы являются не сами по себе зрительные образы, получаемые нами со сцены, и не речи, произносимые актерами, но причинная связь изображаемых ими действий» (Брюсов и театр / Вступ. статья и публ. Г. Я. Бродской // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 179—187). Краткий компендиум лекции, текст которой не печатался при жизни Брюсова, был изложен в заметке, появившейся в газете «Утро» два дня спустя: *К—ий*. [Курсинский А. А.] Театр будущего. Лекция В. Я. Брюсова // Утро. 1907. 29 марта. № 84. С. 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

24 марта (1907), Москва, Арбат

Сейчас 9 ч(асов) утра. Сажу в маленькой столовой, где стоят клетки с обезьянкой и попугаем и спят 2 кота и 2 собаки, и пишу карандашом, чернил в зверинце не полагается.

По порядку вчерашний день.

Ну, конечно, вышло не так, да как хотел. В самом вокзале вижу в окно Сергея. Взяв вещи пошел с ним в буфет пить кофе. Я ему передал конфеты и игрушки. Оказывается, Николай получил письма 22 утром и в Бирже разговаривал с Виташей (В. М. Ремизовым) и Сергеем (С. М. Ремизовым), что не знает, как быть, очень уж неудобств много для моей ночевки, но все же как-нибудь устроит.

Варв(ара) Федоровна (Ремизова) приехала и поступает в какой-то Моск(овский) театр. Нанял С(ергей) извозчика и я поехал на Арбат. Ну, тут мытарства были, пока не освоился. Ждал в приемной, давал свою визитную карточку и потом попал, наконец, в мал(енькую) столовую к обезьяне. Николай говорит, что надо повидаться с Варв(арой) Серг(еевной Ремизовой). А сестра Варв(ары) Серг(еевны) «Апий» (Апка) разъяснила мне все неудобства, дом — ворота запирают в 10 ч(асов) вечера. Вставать надо в 9 ч(асов), если проникнуть во двор, то надо будить повара, вообще целые переходы. Ну, что ж, думаю, пускай. Хотя тут же подумал, может, к Алекс(ею) Алекс(еевичу Архангельскому) стукнуться или уж к Виташе. В ½ 12 так, сошла Варв(ара) Серг(еевна) и все мне изложила и все же решила, чтобы я не стукался к Алекс(ею) Алекс(еевичу), а ночевал у них. За это время я выпил два стакана чаю. Очень заволновался этой неопределенностью. В 12^б пошел к «Грифу». Туда пришел Дымов, Андрей Белый, Маковский. Ну, тут разные разговоры, о к(ото)рых расскажу, а то нечего будет и рассказывать.

Андрей) Белый тебе «страшно» кланяется.

Я имел право дать 5 бесплатных билетов (а то билеты стоили 3 р(убля) 50 к(опеек)).

Я дал по указанию «Грифа» каким-то 2 студентам. В 2 ч(аса) поехал с Маковск(им) (у него лошадь в Москве) в З(олотое) Р(уно). Встрет(ил) Милиотти и Таставена, с которым переговорил до 3 час(ов). В ожидании Рябушинского. Потом решил по телефону переговорить с Ряб(ушинским). Разговаривал и знакомился «голосом». Таставену дал билет. В это время по телефону вызвала меня Минович Варв(ара) Григ(орьевна) и просила 2 билета. Я послал (как после оказалось Минович — вылитая Любовь Семеновна (Заливская) поразительное сходство, а мужа ее не видал). Взял 5 экз(емпляров) «Посолони» и гранки «Слоненка». Оставил «Страсти Г(осподни)» на случай. Поехали с Маковским на выставку «Голубая Роза» (Судейкин, Сапунов, Филатов (sic!) и др.). Там познакомился с Рябушинск(им). И проговорил с ним около часу. Будет меня рисовать Кустодиев, который рисовал Сологуба. Но я сегодня на вечере «Голуб(ой) Розы» переговорю с Рябушинск(им), нельзя ли меня рисовать Баксту. С выставки поехали с Маковск(им) (прямо под его опеку попал) в Метрополь завтракать это уж 5 час(ов). Из Метрополя на извозчике уж простом к Николаю обедать. Наелся. Выпили ¼ бутылки шампанского.

Подарил Гале «Посолонь». Шампанское появилось после «Посолони». Взяли извозчика в «Кружок». (До отъезда меня водили по двору и показывали разные ходы, ей-Богу, как в «Чортике»). Читал первый. Не шикали, но и приветствия не очень-то много было. Потом читал Стражев, Телешов, Кречетов, Андрей) Белый, Белоусов, Маковск(ий), Дымов, Зайцев.

В антракте познакомился с Минович, меня водил и занимался мной брат Евг(ении) Казими(ровны) Герцык (студент), виделся с Гершензоном. Потом ужин грубый с «массой» кушаний. Сидел с Анд(реем) Белым. Вообще тут он ближе всех был мне. Присутств(овали) разные писатели московские (Тимковский, Каллаш и др.), между прочим, познакомился с Книппер.

После ужина в 4 ч(аса) утр(а) поехал с Анд(реем) Белым, он рядом живет. И тут начались поиски хода. Около 5^и уложился спать. Погода была холодная, не петербургская, зуб на зуб не попадал. Сейчас уже 10 часов.

План на сегодня: к Анд(рею) Белому, от него домой (к Николаю) обедать, потом к Минович, потом к Сергею, потом к Рябушинскому, а где ночь ночевать не знаю, может, и не буду ночевать.

До свиданья, завтра билеты возьму. Кланяйся В(асилию) В(асильевичу Розанову).

АР

2

25 марта 1907

Написал письмо, ждал кофей. К животным привык и не душит их «подпускать». Что-то в первом часу пошел в «Перевал». Там встретил Бунина. О вчерашнем вечере сплетни получил и пошел к Анд(рею) Белому. Искал долго дом, выручил Дымов, ехал тоже к Анд(рею) В(елому). У Анд(рея) В(елого) пил кофий и читал ему «Страсти». Ничего он не находит преступного. От Анд(рея) В(елого) с Дымовым поехал к Зайцеву. Зайцев показал 2 рецензии. Я их после купил. От Стражева получил его книгу.

Узнал, что 26 мар(та) читает Брюсов о театре, поехал в Весы, чтобы попросить билет. Но Брюсова не застал и оставил карточку. Взял на вторник 5 ч(асов) 30' вечера билет в Петербург. Поехал к Минович. У М(ирович) пил чай и разговаривал о

изданиях, говорит, что в Москве найдутся. Там был С. В. Лурье, приятель Шестова, так что легко разговаривать было. Потом поехал трамваем к Сергею. Они занимают две комнаты, а одна общая. В общей пил чай, очень натянутая «атмосфера».

Поехал на выставку. Но вечер отложили по случаю кануна Благовещения, и я опять трясся по злосчастному трамваю.

Так как попал в дом в 10 ч(асов) вечера, — (там живут два офицера с женами <2 слова зачеркнуты. — Е. О.), то пения слышать невозможно было). И просидел Бог знает сколько времени с Сергеем и Варв(арой) Ф(едоровной) в их спальне. Очень у них неудобств много; насилу чаю добился. А спать меня положили с Ляляшкой, нянькой и канарейкой. Везет мне. Собрал сведения о Иде и театре Тифлисском. Сейчас утро, сию в Ляляшкиной комнате (она гулять пошла) и жду, когда дадут мне чаю и пойдем мы с Сергеем к Муттеру.

3

25—26 марта 1907

2 ч(аса) ночи. Пишу на диване у Викташи. Устал страшно и когда сегодня увидал Дымова, к(оторый) уезжает в Петерб(ург), позавидовал ему. Одна причина — может быть что-нибудь и выйдет с изданием «Чортого Лога». Завтрашнюю ночь буду ночевать у приятеля Шестова С. В. Лурье. Завтра будет третий день, как я не обедаю. От утомления не могу есть, а ем только острое. Утром, когда написал письмо, пошел с С(ергеем) к Муттеру.

Муттер причащалась и выглядела очень хорошо. <4 слова зачеркнуты. — Е. О.) Там был и Викташа. Он обещал в конце апреля прислать 50 руб(лей) или 100 или 150, смотря по своей награде к Пасхе. Муттеру читал «Чортика». В 5^м часу пошел на другой конец города к Мирович, от Мирович к ее знакомой*), где встретил С. В. Лурье.

Потом к Викташе, но он оставил записку, чтобы я шел к отцу Иды. Посидел там и вернулся к В(икташе). Был Суворовский, играл на рояли.

Сплетен тут не мог достать, так как все время сидел какой-то господин, не знаю, художник или музыкант.

Мне очень досадно, что у Николая нельзя останавливаться. Так это вышло нехорошо с моим письмом.

Завтра выйду с Викташей.

Вечером на лекции Брюсова:

«О театре будущего».

Д — а, д — ка! Поскорее бы в Петербург.

Есть еще рецензии, вырезаю и привезу.

Р.

Дал Иде 10 руб(лей). Кольцо выкупить.

*) Бутова — актриса из Худож(ественного) Т(еатра) на Александру Ивановну Киенскую похожая, бытовая.

4

26 марта 1907

5 ч(аса) дня

От Викташи пошел к Герцык. От Герцык к Рябушинскому. Рябушинский просит читать в среду вечером на выставке. Переменил мне билет.

Еду с ним курьерским в среду ⟨в⟩ 12 ч⟨асов⟩ ночи. Буду в Петербурге утром в четверг. От Рябушинск⟨ого⟩ пошел к Брюсову, взял у него билет на лекцию сегодня вечером. Сейчас у Николая. Зайду к Алексею Алексеев⟨ичу⟩, от него к Гершензону. Пишу в присутствии Варв⟨ары⟩ Серг⟨еевны⟩, которая болтает.

С Рябушинск⟨им⟩ говорил о портрете. Кажется, рисовать будет Сомов.

Завтра утром напишу. Очень истерзался, искамши. Все перезабыл: попадаю не туда. Я решил остаться на один день, все надеюсь, что можно что-нибудь сделать.

И страшно беспокоит, как ты там с Райсой ⟨Шалауровой⟩.

А. Ремизов

5

27 марта 1907

Сейчас пришел к Николаю. Ночевал у Лурье — не знаю, кажется, он инженер. Ночевать хорошо было. Зашел к Николаю, чтобы письмо написать и через час пойдю узнавать, что дела с «Ч⟨ортовым⟩ Логом»? Вчера сидел у Гершензона, потом в Политехн⟨ическом⟩ Музее на Брюсове. Встретил Анну Рудольфовну ⟨Минцлову⟩. Пойду сегодня к ней. После лекции был в ресторане у Тестова.

Чувствую такую усталость, а еще целый завтрашний день впереди. И чорт меня дернул согласиться остаться на этот Голубой вечер, поехал бы я сегодня честь-честью. Так устал, д — а ⟨деточка?⟩ моя, едва сижу. Как-то там у Тебя? Кольцо привезу. Ничего достать не пришлось.

С Брюсовым о «Страстях» говорил, он придет слушать на «Голуб⟨ую⟩ Розу».

«Иродиада» ему не понравилась, но он боится, что Волошинское чтение может все испортить, а главное, опозлить.

Слушая Брюсова, и я подумал, как бы ты была довольна: актерства он не признает.

Напишу сегодня еще.

А. Ремизов